

Дмитрий Ахметшин

Похождения Дениса
в нарисованном мире

12+

Дмитрий Ахметшин

**Похождения Дениса
в нарисованном мире**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Ахметшин Д.

Похождения Дениса в нарисованном мире / Д. Ахметшин —
«ЛитРес: Самиздат», 2015

Главный герой повести – Денис, мальчик десяти лет, предполагает, что у него есть старший брат, но от него это скрывают родители. Он задаётся целью разыскать брата. Денис решает проследить за отцом и в ящике письменного стола обнаруживает рукопись. Оказывается, отец пишет роман. Неожиданно Денис проваливается в книгу - в другой мир, на ДРУГУЮ СТОРОНУ, который выглядит так, будто всё вокруг тебя нарисовано... О приключениях Дениса в нарисованном мире читатель узнает, прочитав эту увлекательную историю. Повесть – финалист Независимой литературной премии «Дебют», 2015. Номинация «За лучшее литературное произведение для детей и подростков»

Почти фантастическая повесть

1.

Был на свете мальчик. То, что у него есть брат, мальчик понял вдруг и внезапно, как бывает, когда понимаешь, что первые три школьных класса, которые ты с успехом одолел, получив свои слюнявые тетрадки с первыми неловкими шагами в науке написания букв и распрощавшись с плачущей молоденькой учительницей, – далеко не вся школа. Что помимо неё есть и другие галактики, называемые "колледж" и "университет".

Но речь сейчас не о них. Ведь настоящий, живой братик – согласитесь – это кое-что гораздо интереснее, чем эфемерные учебные заведения, которые, может, и вовсе перестанут существовать к тому времени, как мальчик до них дорастёт. Схлопнутся, как и положено галактикам, в чёрную дыру.

Впрочем, то, что он "живой", папа с мамой сразу поставили под сомнение.

Выслушав мальчика, они отправились в дальнюю комнату на совещание. Пацан слушал, прильнув ухом к двери:

– Ты ему сказал! – говорила мама.

– Нет, ты! У меня и в мыслях не было... – восклицал отец.

Но ему никто ничего не говорил. Он просто понял, и всё. Это знание смотрело из темноты пристальными кошачьими глазами, а если есть глаза, значит, есть и кошка, верно? Это знание как-то само появляется у тебя в голове: не может быть глаз без кошки. Не может быть знания, что у тебя есть брат, без брата.

Спустя десять минут мама с папой вышли из комнаты. Мама опустила перед мальчиком на корточки, её небесно-голубое платье важно колыхалось вокруг тонких щиколоток.

– Малыш, – сказала она, – откуда ты знаешь?

– Где он, мам?

Мальчик уже не озирался так радостно и оголтело, как в первую минуту, когда узнал, что у него есть брат. Тогда за десять минут он обыскал весь дом, но почему-то никакого брата не нашёл. И теперь он лишь хотел узнать у родителей, куда они спрятали мальчишку.

Так он об этом и спросил.

– Сначала ты скажешь, кто тебе рассказал, – сказал отец громко. Обычно этот строгий голос пугал мальчика, но не сегодня. Сегодня он во что бы то ни стало хотел узнать правду. Он, как оруженосец, почувствовавший в себе достаточно храбрости, чтобы быть рыцарем, готов был напялить себе на голову латунное ведро, взять швабру, в иные разы служившую лошадью, а в иные – грозным боевым копьём, и ринуться отбивать правду у милых странных великанов, с которыми ему, ещё недавно малышу из страны Сопляндии, а теперь почти-взрослому-мальчишке, приходилось жить. В каких таких подземельях они его держат? И за что?

– Подожди, Слава, – рассудительно сказала мама. – Не нужно его ругать. В любом случае, виноват не он.

– А кто же тогда? – пробурчал в усы отец. Ему хотелось кого-нибудь поругать. Огромные, как космические корабли, руки сжимались и разжимались. Когда мальчик с отцом играли в "Звёздные войны", эти руки (каждая по очереди) были "Тысячелетним соколом".

Мама тем временем сказала:

– Ты, Денис, наверное, сам себе всё это нафантазировал. Скажи-ка: ты хоть раз его видел, этого твоего якобы брата?

– Ни разу, – прошептал малыш. Всё вокруг него потускнело. Откуда он мог знать, что рыцаря, прославленного воина, можно остановить одним лишь словом прекрасной дамы? Тем более если эта прекрасная дама твоя мама. Куда уж прекраснее?

– Ну вот, видишь? – сказала мама рассудительно. Она могла лучиться, как редкая монетка, которую только что протёрли полиролью, или латунная пуговица, а могла быть осторожной, как сапёр на работе. Такая мама всегда вызывала у Дениса подозрения, ему мерещились бесчисленные тайны под бесчисленными замками. Во сне он, бывало, бродил по тёмным казематам, прятался от стражей и пытался подобрать к этим тайнам ключи.

И тут прославленный сапёр совершил ошибку. Он решил, что если занять мину чем-нибудь полезным (к примеру, приспособить под горшок для японского дерева бонсай), у неё не будет времени на то, чтобы рвануть.

– Иди-ка, уберись на заднем дворе, – сказала она. – Помнишь, ты обещал летом выкопать вокруг моих роз сорняки? И загляни в будку Рупора, кажется, там снова лежит штук пять папиных тапочек.

Теперь мальчик точно знал, что мама лукавит. Все его подозрения укрепились, а ожидания выросли. Сначала (когда копал в овсяной каше за завтраком тоннель к подкашным гномам, которые ковыряют из стен замка изюм и кусочки яблок) Денис был уверен, что братик наверняка меньше него. Но он был уже достаточно взрослым, чтобы понимать, что дети не берутся из воздуха. Во всех подробностях, конечно, не знал, но подозревал, что это достаточно длительный процесс, и просто так, без его ведома, мама с папой дело обставить не смогли бы. Это всё рано, что купить перед его, Дениса, днём рождения огромный экскаватор и пытаться прятать его несколько дней в шкафу. Каким бы ни был большим тот шкаф, нет такого экскаватора, до которого пытливый мальчишка бы не добрался. И тут, как при грабеже банков ("Перед тем, как брать кассу" – говорят бандиты в кино), важен план. Так что оставался один-единственный вариант – братик старший, просто он однажды взял и исчез. Может, его отправили в интернат: мальчик слышал, что есть такие ужасные места, куда ссылают плохих детей. Может, братик себя не очень хорошо вёл, хотя в это и трудно поверить: если он старше, то вряд ли стал бы выбрасывать из супа на пол картошку, в надежде, что пёс уничтожит улики без следа. Мама говорила, что нет ничего хуже. А если нет ничего хуже картошки на полу, что же надо сделать такого, чтобы угодить в интернат?

– В каком же он классе? – спросил Денис, схватив маму за коленку. Ему нравилось прикасаться к шелковистой ткани этого платья, воздушного, как зефир.

– Он не ходит в школу, – сказала мама, досадуя, что её план отвлечь сына провалился. – Когда-то он ходил в детский сад.

– Я помню, помню! – радостно заявил мальчик. – Он был вот таким высоким, в красносиней кофте и со шляпой. Ещё у него были белые кудрявые волосы. Он любил сидеть возле моей кровати – той самой, с бортиками, – когда я засыпал...

– Нет, малыш. Ну какие белые волосы, да ещё тем более кудри? Посмотри на нас. У меня волосы коричневые. У твоего папы – чёрные, и чёрная борода... хотя кудрявая, этого не отнять. То, что ты помнишь – хотя я удивлена, что ты действительно это помнишь – клоун, которого мы привезли из Амстердама. Он был из ваты и платяной ткани, а шляпа – из крашеного картона. Его порвал Рупор, и мы его выбросили. (Рупором звали пса за громкий голос, из-за которого частенько ругались соседи). Мальчик притих и ждал продолжения.

– Что касается братика... – мама ступала на тонкий лёд. Отец, схватив было газету и вознамерившись спрятаться за ней, аккуратно, как змею, сложил её на коленях, наблюдая за женой и сыном. – Это было ещё до тебя. Ты тогда существовал только у нас с папой в головах, поэтому ты уж точно не мог быть с ним знаком. Просто... он так и остался малышом, а ты родился и вырос.

Это поставило мальчика в ступор. Брови отца нависли над глазами, словно тучи. Возможно, ему хотелось надрать кому-то уши.

– Он что, сейчас маленький? Ходит в сад и играет с пластиковым паровозом? – спросил Денис.

И тут мама не выдержала. Слезы хлынули из её глаз ручьями. Папа поднял её за плечи и, сурово взглянув на сына, увёл в комнату. А тот сидел, пытаясь уразуметь, как вопрос может так легко расстроить взрослого. Он уже знал, что есть опасные вопросы, острые, особенно такие, которые касались маленьких секретов мамы от папы, или крошечных папиных тайн, вроде сигарет, которые он хранил на балках под козырьком крыльца. Однако этот вопрос... он другой. К горлу подкатил комок. Мальчик несколько раз неуверенно хныкнул, но по-настоящему плакать не стал, он уже вышел из возраста, когда можно вволю порыдаться из-за любой мелочи. Кроме того, зачем расстраиваться, когда ты только что узнал такую прекрасную новость! Мальчик подумал с минуту и решил, что этот день станет *эпохальным*. Даже эпохальнее дня, когда ему наконец-то купили новый велосипед, двухколёсный, со скоростями и ручными тормозами, как у взрослых.

Да, определённо это так.

Рыдания в соседней комнате утихли ещё не скоро. Сначала они стали глухими, и Денис понял, что мама теперь плачет, уткнувшись отцу в подбородок или в плечо. Что всё-таки её так расстроило? Денис пошёл гулять.

Первым делом он решил посетить детский сад, в который когда-то ходил и сам. Это была отличная идея. Где же ещё искать, как не вокруг пластикового паровоза? Денис прекрасно его помнил: яркий, красный, с большими жёлтыми колёсами и четырьмя прицепными вагонами. На него можно было усесться верхом и ехать, держась за трубу, прямиком в Торонто, город в Австралии, намалёванный на стене.

Сейчас разгар летних каникул, асфальт приятно-тёплый и, словно спина зебры, в полосах от следов шин. Школа, этакая прямоугольная разновидность медведя, впала на лето в спячку. Главный недостаток детского сада, насколько помнил Денис, в том и заключался, что в такое прекрасное время – время беготни по гаражам, игр в войнушку и в конкистадоров в ближайшем лесу (Денис с раннего детства обожал наблюдать за старшими мальчишками), ты вынужден собираться с утра и тащиться с кем-то из родителей в душную коробку сада с его пусть и многочисленными, но давно надоевшими игрушками и занятиями.

А вот теперь свобода! Бинго! Кавабунга! Крутяк крутятский! Денис готов был снова и снова повторять любимые словечки – только они могли передать его восторг. Однако в жизни каждого человека наступает время, когда нужно посмотреть назад. Вернуться к корням после долгих странствий. Снова вспомнить, как оно было, пересмотреть ошибки детсадовских лет с высоты своего возраста и жизненного опыта. Денис считал, что такое время для него наступило. Тем более нашёлся к тому великолепный повод.

Запихав руки в карманы, он отправился по знакомой с детства тропинке между пунктом приёма стеклотары и веломастерской, мимо пары двухэтажных коттеджей вроде того, в котором обитало их семейство. В одном из них жила Полина, она только-только пошла в первый класс, совсем ещё слюнтяйка; в другом – две одинокие старухи, приходящиеся друг другу сёстрами. Одна из них любила смотреть на детишек со второго этажа и мило улыбаться, ещё она горстями швыряла из окна конфеты. Другая вечно возилась на пяточке земли возле дома; руки у неё были по локоть в земле, а ногти, страшные длинные ногти, напоминали зубья от старой ржавой грабли. Она была угрюмой, вечно недовольной, и дети привыкли обходить старых сестёр за версту (издалека никогда нельзя было сказать наверняка, кто из них идёт тебе навстречу).

Не вынимая рук из карманов и сохраняя важный вид, Денис проследовал мимо вахтёрши. Она даже не подняла взгляда от кроссворда. Наверное, приняла его за пришедшего навестить старых воспитателей выпускника, кем он, по сути, и являлся. А может, просто не заметила из-за монументального своего стола, хотя Денис изо всех сил пытался казаться повыше.

Он прошёл мимо малышни, которая как раз с весёлыми криками тянулась на обед (по мнению Дениса, ничего интересного их там не ждало; «сникерсы» обыкновенно дают по пят-

ницам, бананы по вторникам – а сегодня среда; ни туда, ни сюда), внимательно вглядываясь в каждое лицо и надеясь, что знание, которое взяло и без спросу вторглось к нему в голову, поможет опознать собственного брата. То есть теоретически он должен быть похож на Дениса, но сам Денис не питал на этот счёт иллюзий. Бывало (особенно в раннем детстве), он не мог узнать себя в зеркале и ревел так, что сбегался весь дом, и Рупор заводил свою вечную шарманку: «Вуф...вуф...вуф...». «Просто удивительно, как это ты до сих пор не увязался за какой-нибудь цыганкой, перепутав её со мной», – смеясь, говорила мама.

– Ба, какие люди! – от изучения светящихся ребяческих рожиц Дениса отвлёк дружеский возглас воспитательницы. Несмотря на то, что ей было всего двадцать четыре года, Денис про себя считал её старой. Когда тебя называют дядей или тётёй, считал он, тебе ничего не остаётся, кроме как присматривать себе подходящую краску для волос, которые, без сомнения, вот-вот начнут сесть. Или покупать очки, чтобы хоть чуть-чуть отсрочить старческую дальнозоркость. – Сам Денис Станиславич! Ути-пути-какой-ты-вырос!

– Я ищу своего брата, – сказал Денис. Он терпеть не мог сюсюканья. – Мне сказали, он ходил в сад.

Воспитательница, тётя Тамара, прикрыла ладошкой рот. Она была стройная, но с круглым лицом и удивительно краснощёкая.

– Сладкий мой! Да кто же тебе сказал-то?

Опять этот вопрос. Денис скрестил на груди руки.

– А вот никто. Сам догадался.

Поняв, что на воспитательницу надежды мало, он предпринял самостоятельные изыскания. Нашёл паровоз, великолепно-красную, похожую на столб пламени, трубу которого за прошедшие годы пересекла не одна трещина, а из четырёх вагонов осталось только два. Но и около него ни одного малыша, хотя бы предположительно напоминающего его брата, не наблюдалось. Тётя Тамара тем временем куда-то звонила. Глаза её были красны. Когда она закончила разговаривать, Денис спросил:

– Мне интересна одна вещь, тётя Тамара, одна простая вещь. Почему же все, кроме меня, знали о существовании моего – моего! – брата? Так, знаете ли, не честно. Скажите хотя бы, как его звали.

Стараясь подражать голосу отца, он разбавил свой мальчишеский голос недовольным, даже сердитым тоном. Тётя Тамара окончательно расстроилась: она достала белый в синюю крапинку платок и выуживала из уголков глаз хрустальные слезинки.

– Масимба, – сказала она. Нос её был заложен.

Странное имя. Больше подходит какому-нибудь герою мультяшек, из тех, что надувают кулаки и лупят друг друга по голове под заводную музыку. Наверное, родители что-то подобное как раз смотрели, когда думали, как назвать первого сына. Теперь хотя бы отчасти стало понятно, почему мальчишка до сих пор здесь сидит: только в садике тебя будут уважать с таким именем. Школа... школа показалась бы Масимбе адом.

– И где он? – Денис не мог сдерживать нетерпения. – Только не говорите, что ему нравится гречневая каша со шкварками, которая сегодня в столовой (Денис опознал запах). Я лично терпеть её не мог. Хотя мама говорит, что это вкуснятина. Теперь я догадываюсь, в кого пошёл мой брат.

– Его здесь нет, – сказала тётя Тамара в перерывах между рыданиями. – Уже давно. Спроси лучше у папы. Я как раз ему позвонила.

Так Денис, узнав некоторые подробности, снова, по сути, остался ни с чем. Он уже повернулся, чтобы уйти, когда воспитательница его остановила. Она бросила безуспешные попытки запрудить озёра слёз, и те лились теперь из глаз рекой.

– Что бы тебе ни рассказали родители, знай... твой брат где-то есть. Он наблюдает за тобой оттуда.

Мальчик вышел на улицу, под аккомпанемент стрижиных криков побрёл в сторону дома. Было странно думать, что братик от него прячется. С чего бы это? Может, просто стесняется того, что до сих пор ходит в сад, в то время как младший брат уже окончил третий класс?

Он запрокинул голову и закричал насколько хватало лёгких:

– Эй, Масимба! Покажись! Я не буду над тобой смеяться, совсем-совсем.

Небо сияло. Оно было такое пронзительно-синее и в то же время такое прозрачное, как будто выложено драгоценными камнями. На втором этаже коттеджа сестёр-старух растворились створки, и против ожидания оттуда выглянула сестра-грязнуля. Положив перед собой чёрные от земли ладони, она неодобрительно посмотрела на мальчика. Денис решил, что, наверное, она занимается геранью, что стоит на южном окне. Иначе зачем ей в доме такие грязные руки? Должно быть под ногтями у неё уже завелись жуки.

Для верности (а ещё чтобы не видеть сестру-грязнулю), Денис зажмурился и досчитал до десяти. Но ничего не изменилось. С оглушительным чириканьем летали воробьи и рассаживались по пыльным кустам сирени. Девочки, что выходили из ворот спортивной площадки, дружно жуя пирожные с твороженным кремом, замерли, глаза на мальчишку, а потом взорвалась сюсюканьем и смешками. Может, его брат – девочка? Нет, это уже совсем никуда не годится.

На глаза Денису вдруг попала часовая башня. Он никогда не обращал на неё особенного внимания – башня и башня, что в ней может быть занимательного? Но сейчас он задумался: если, как говорит тётя Тамара, братец и вправду за ним наблюдает, он может делать это только оттуда. И наблюдал всё то время, пока Денис вырослел, карабкался на своё первое дерево, бегал со своими первыми друзьями и собирал по дворам бутылки и ненужные газеты, чтобы заработать первые пятьдесят рублей, и потом с треском просадить их на лимонад и жвачку. Это единственная точка в Выборге, которую видно если не отовсюду, то почти отовсюду. Папа говорил, что там висит огромный, почерневший от времени колокол, подаренный когда-то городу самой Екатериной второй.

Приложив руку козырьком ко лбу, Денис смотрел на башню. На самой её вершине что-то бликовало, это мог быть тот самый колокол, а мог бинокль или подзорная труба, через которую Масимба наблюдает за братом.

Неуверенно Денис махнул рукой этим бликам, вызвав новый шквал сюсюканий и смешков среди девчонок. И побрёл домой. "Я тебя обязательно найду – думал он. – Непременно. Ведь я всегда хотел иметь брата".

2.

– Садись, сын, – сказал папа. – У нас с тобой сейчас будет очень серьёзный разговор.

Денис сразу присмирел. У них с отцом вообще никогда не было "серьёзных разговоров". Когда кто-то из друзей-приятелей говорил: "Мне вчера от папаши такая взбучка прилетела", Денис хвастался:

– А мне вот ни разу даже ушей не надрали.

– Да ну, брешешь, – не верили друзья. Но то была абсолютная правда, и Денис, наблюдая покрасневшие шеи или ёрзанье задниц, которые явно перед этим надрали, почему-то совсем не чувствовал себя хорошо. Появлялось ощущение, что мимо него проходит порядочный кусок залихватской мальчишеской жизни. Они были самыми обычными мальчишками, а он, сам того не желая, выделялся. Был белой вороной. Будто пазл, в котором не хватало куска, не такого уж важного, но как ты можешь не думать об этом проклятом кусочке, когда картинка у тебя перед глазами ежедневно, от утреннего поцелуя мамы и до отхода ко сну?

Стоит сказать пару слов о Денискином отце. Позже вы непременно захотите узнать о нём больше. Он строгий, молчаливый, похожий со своей бородищей и всегда нерасчёсанной

шевелюрой на медведя. Кое-кто во втором классе, думая, что Денис не слышит, назвал его Карабасом-Барабасом, а Витька-Индеец поправил: "Не Карабас-Барабас, ты в каком веке, в конце концов, живёшь? Никто уж не помнит этого твоего Барабаса. Это натуральный Хагрид". Денис не стал лезть в драку. Самое время было возгордиться, что он и сделал. Когда кто-то спрашивал: "Наверняка он держит тебя в чёрном теле?", Денис важно кивал и показывал на локтях отметены, заработанные падением с велосипеда или где-нибудь ещё.

Конечно, это была неправда: на взбучки Денискин папа жадился. Мог разве что посмотреть тяжёлым взглядом и сказать: "Чтоб больше такого не было". Мог стоять над тобой и хмуро, сердито сопеть (у него вечно был заложен нос, папа даже таскал с собой в кармане, домашних ли штанов, рабочих ли брюк, специальные капли). Нет, вы явно недооцениваете тяжесть этого взгляда! Давайте я скажу вам ещё вот какую штуку: взгляд этот был такой тяжести, что всё внутри у тебя буквально *переворачивалось*.

– Наверное, у него тёмное прошлое, – так говорил Митяй, Денискин лучший друг.

– Что за прошлое? – робко спрашивал Денис.

– А мне почём знать? – недоумевал Митяй. – Твой же батя, не мой. Но так говорят. *Тёмное прошлое*. Когда есть что скрывать, человек становится мрачным, как грозовая туча, и надутым, как воздушный шар. Никого не напоминает, а? (он подмигнул). Может, твой папаша когда-то был киллером, как в Леоне.

У Митяя, несмотря на дурацкую внешность, на все ужимки и кривляния, которым мог позавидовать даже Мик Джаггер, в голове были ужасно дельные вещи. С тех пор Денис иногда фантазировал: что, если бы папа оказался злобным волшебником, который поселился среди магглов и их собачек, обзавёлся семьёй, чтобы меньше выделяться. Или киборгом, который скрывает от жены и сына резиновую кожу на подбородке наклеенной курчавой бородой. Насчёт мамы у Дениса иллюзий не было: она не могла быть никем, кроме как обычной женщиной, немного суетливой, чрезмерно беспокойной, которая закалывала по вечерам перед круглым зеркалом волосы в высокий хвост, а по субботам готовила вкуснейший борщ, который называешь "волшебным", никакой подоплёки за этим словом не тая.

И вот сейчас Денис не знал, куда себя деть от волнения. Возможно, после этого разговора – первого по-настоящему серьёзного разговора в их жизни – что-то поменяется так сильно, что ему придётся бросить школу и уйти отшельником в пустыню, переосмысливать всю свою жизнь.

– Не знаю, зачем ты так упорно расстраиваешь нас с мамой этими разговорами, – сказал отец. – Кто бы тебе не рассказал, что у тебя якобы был брат, он поступил очень плохо. Твою маму я отправил прогуляться по магазинам – она была сама не своя – а сам постараюсь с тобой объясниться.

Денис остался стоять, глядя, как отец ходит по комнате, рассеянно переставляя предметы. Доски пола скрипели под его ногами.

– Он и вправду есть?

Прибежал Рупор, цокая когтями, и мальчик рассеянно потрепал его по холке.

– Он, наверное, карлик. Поэтому я его не замечаю. Поэтому он до сих пор ходит в детский сад.

– Ты слишком много смотришь телевизор, – сказал отец так, будто сам был не слишком уверен, хорошо это или не очень.

Денис удивился.

– Как же его не смотреть? Там же показывают фильмы.

Фильмы в последнее время были страстью Дениса. Мультки, как любой нормальный ребёнок, он, конечно, тоже смотрел, но целые жизни, сложные, порой совершенно непонятные, уложенные в полтора часа экранного времени, в последнее время всё чаще увлакивали его за собой, как волк из сказок уносит младенца.

Отец вздохнул. Звучало это, как будто в толще дерева застряла пила.

– Про твоего брата не снимут фильм. В том, что ты его не видишь, нет ничего удивительного. Совсем ничего. Он пропал. Исчез навсегда. И тут уж ничего не поделаешь, ищи – не ищи. Поверь мне, я знаю. Время для него остановилось.

Дениска притих, сжимая между коленей голову Рупора. Отец редко когда позволял себе произнести столько слов разом.

"Ага, – подумал он. – Дело здесь нечисто. Куда пропал мой брат? Почему все, кроме меня, об этом знают и не хотят делиться со мной подробностями? И что, в конце концов, это за штука, которая может останавливать время?"

Хотя нет, не все. Денис был уверен, что Митяй тоже ничего не подозревает, как и прочие школьные приятели. Что же, получается *нечто* может прийти в любой момент и остановить в тебе взросление, стремление стать большим, больше всех, сильнее всех, умнее всех, отобрать возможность стать героем или гениальным исследователем... утащить тебя, ничего не подозревающего, в никуда?

Денис снова подумал о башне с часами. Если есть в этом городке место, в котором за свою короткую жизнь он не побывал, то это она. Ещё, правда, есть парк Монрепо, далеко за выборгским замком, а в парке множество туманных потаённых уголков, но Денис справедливо рассудил, что на велосипеде быстро туда не добраться. Кроме того, под странное словосочетание "остановившееся время" часы на башне подходят идеально. Ведь ржавые стрелки не сдвинулись с места вот уже четверть века, а большая, та, что замерла на сорока пяти минутах, сделалась постоянным насестом для голубей.

Да. Часовая башня в исторической части города подходит идеально.

– Что у тебя на уме, сын?

Отец тербил бороду.

"Раскрыть эту тайну!" – собирался заявить Денис, но в последний момент ничего не сказал. Несмотря на то, что ему ни разу даже не грозили ремнём, тяжёлый, непроницаемый взгляд как будто говорил: "Заведи-ка у себя в голове сейф, малой, и прячь туда свои мысли". Глаза у папы были ровно тёмные очки.

– Ничего особенного, – сказал Денис, отводя глаза.

И всё же, что значит этот разговор? Для Дениса он значил очень много – просто самым фактом своего возникновения. Но он терялся в догадках, что мог он значить для папы.

Отец никогда не выглядел как человек, которому интересен собственный сын. Скорее, он выглядел как человек, которого тяготит какая-то тайна. Денис полагал, что с ранних ногтей открыл у себя нюх на тайны. Когда Рупор утащил папин носок и зарыл его на заднем дворе, под кустом облепихи, она была тут как тут. Она – тайна, которая, прицепившись к хвосту пса, пригибала его к земле. А теперь из фильмов Денис наконец узнал, как может выглядеть человек, которого что-то тяготит. Папа однозначно тянул на героя какого-нибудь странного, жестокого и большей частью непонятного кино, вроде "Крёстного отца".

– Абсолютно ничего, – повторил он и, дождавшись когда папа наконец устанет от созерцания краснеющих мальчишеских щёк, выбежал прочь.

До вечера оставалось достаточно времени. Достаточно, чтобы кое-что проверить.

Крутя педали велосипеда, Денис надеялся не столкнуться с матерью, возвращающейся из магазинов. "Куда катишь, Дениска?" – последовал бы вопрос, если, конечно, доброе расположение духа уже к ней вернулось. И ему пришлось бы выкручиваться, юлить, может, даже соврать... не то, чтобы Денис был примерным сыном, но врать он не любил.

Часовая башня с некоторых пор была закрыта для посетителей. Она ведь очень старая, эта башня. Возможно, по ней сверяли время какие-нибудь маркизы и графы... или кто здесь жил до того, как город перекочевал под крыло советской власти? Мама рассказывала, что в юности, когда они с папой только-только сюда переехали, башню как раз начали заворачивать

в кокон строительных лесов. Доступ на смотровую площадку тогда уже закрыли. Когда дул ветер, вся конструкция стонала, как древняя старуха, а в досках пола с пугающей регулярностью образовывались дыры. Остатки тех лесов теперь чернели у самого её основания, вместе с красными, будто отвалившимися от древней, потухшей в незапамятные времена звезды, кирпичами. "Добрые намерения не всегда значат, что дело будет доведено до конца", – говорила по этому поводу мама. И после добавляла небольшое нравоучение: "Помни об этом, сынок, и когда понимаешь, что у тебя не хватает сил и терпения что-то доделать, подумай, ради чего ты вообще это начинал".

Именно так Денис и собирался поступить. Разговор с отцом только укрепил его решимость.

3.

Денис решил, что неплохо было бы занять в напарники Митяя. Этот малый поддерживал его во всех начинаниях. Но Митяй, как оказалось, укатил на сутки к бабушке, оказывать посильную помощь в переселении кроликов из одного вольера в другой. Несмотря на то, что друг должен был быть дома уже с вечерним автобусом, Денис не собирался ждать. Будоражающая идея поселилась в его голове. Он должен увидеть брата уже сегодня!

– Эй, Дениска-космонавт, ты выглядишь сам не свой, – с подозрением глядя на него, сказала тётя Лена, Митяева мама. – Уж не задумал ли ты высадку втайне от экипажа на какую-нибудь необитаемую планету?

– Ничего подобного, – сказал Денис, чувствуя, что конспирация его вновь под угрозой. Да, положительно, с взрослыми нужно быть осторожными в этот день. Иногда они слепы, как котята, видят только свои огромные дома и небольшие зарплаты, и содержимое витрин, и всякие металлические штуки, но какие-то хитрые приборчики порой дают им возможность читать мысли детей.

Уложив красные ладони на руль велика, Денис рванул к башне с часами, по дороге увернувшись от тучи, которая осыпала дождём угол Выборгской и Ленинградского проспекта. До исторического центра не так уж далеко. Миновать две хрущёвки, где за дырявой сеткой пинали мяч старшие мальчишки. Срезать через сквер. Вот уже все строения вокруг дряхлеет, как будто мчишься на машине времени, и с каждым оборотом педалей за спиной остаётся добрый десяток лет. Каждый камень брусчатки чувствуется в костяшках пальцев. Все головы поворачиваются к нему, улыбки на лицах или возмущение – наплевать! Денис весело хохочет, проносясь мимо на железном скакуне, и вопит во всю глотку: "У меня есть братик!"

Остановился он только на минуту: посмотреть на магнитики и значки, выставленные возле сувенирной лавки для туристов.

Эта часть города в самом деле будто другой мир. Здесь много упитанных кошек, которые лежат на подоконниках и нагретых солнцем откосах. Много бездомных бродяг и пьяных забулдыг. Вообще-то мама не разрешала Денису ездить сюда одному, но запрет этот был из категории "за закрытыми глазами": то есть глаза на него закрывали и мальчик, и она сама. Что может случиться с ребятами в людном месте, где к тому же машины не ездят, а крадутся?

Однако Денис видел множество странных и местами пугающих, будоражающих детский организм вещей, и каждая поездка сюда, в одиночку ли, или (что чаще) с Митяем была для него волнительным событием.

Он поднялся по Крепостной улице, звеня в звонок и объезжая прохожих, повернул в арку, в скромный внутренний двор башни, где делалась добрая треть фотографий, увозимых туристами домой (большую их часть снимали с другой стороны, откуда были видны часы). Железный конь нашёл себе убежище в узком пространстве между подсобными постройками.

– Здесь я тебя и оставлю, – прошептал Денис, приложив палец к губам. – Смотри не выдай меня!

Немногочисленные туристы рассеянно бродили по двору, некоторые тянули за ручку кованой двери, которая, конечно же, была заперта. Иногда сверху появлялась краснощёкая физиономия смотрителя башни в кепке, которую можно было увидеть в старых советских фильмах. Снизу он походил на ожившего садового гнома – одного из тех, наткнувшись на которого в темноте можно напрочь лишиться речи. Денис почувствовал, как начинают стучать друг о друга голые коленки. Ему, быть может, придётся встретиться с этим существом там, внутри.

Но потом он подумал о Масимбе, который заперт наверху, за "замершим временем" циферблата, и стиснул кулаки. "Я тебя вызволю! Вызволю, во что бы то ни стало..."

У них с Митяем давно уже был готов план. Как и любое недоступное для ребятни место, башня с часами была, помимо легенд и преданий, шёпотом пересказываемых друг другу, десяток раз выдвинута на должность вершины, которую необходимо покорить, и десяток раз восхождение откладывалось. Потому что, одно дело – представлять, как ты обзираешь сверху город, посмеиваясь над малышней и даже взрослыми, что ползают внизу как муравьи, и совсем другое – получать от сторожа, а потом и родителей всамделишные подзатыльники.

Все обходные пути, какими можно воспользоваться, чтобы проникнуть внутрь, были сейчас перед Денисом как на ладони. С этой стороны к башне примыкали одноэтажные строения, хозяйственные и местами жилые, которые в свою очередь сообщались с соседними двухэтажными домами. Попасть труда внутрь проблем не составляло, деревянные резные двери, ведущие в покосившиеся парадные, просто невозможно было запереть. Слушая за стенкой голоса жильцов, лай собак и капризы детей, а также звуки, которые издавало радио, где как раз началась передача "Детективы для домоседов", и глухой стук, похожий на стук зубов, который мог издавать старый, исполненный маразма и банок с консервами, холодильник, вжимая голову в плечи, Денис взлетел на второй этаж. Уронил прислоненную к стенке метлу, поднял её тихо-тихо, слушая, какие изменения в повседневных делах жильцов он произвёл, потом снял с подоконника кактус. Подъездное окно выходило ровнёхонько на крышу пристроя; башня возвышалась прямо перед ним, вонзаясь медным шпилем в небо.

Кашляя от поднятой пыли, мальчик распахнул окно и свесил ноги наружу. Ступни даже сквозь подошву сандалий жгло от нагретого солнцем ската крыши. Денис спрыгнул вниз, опустился на корточки, чтобы не попасться на глаза туристам, и к тому времени как добрался до окна башни (не того, из которого выглядывал гном, но находящегося на том же уровне), почувствовал, что пятки превратились в печёную картошку.

Вот он и внутри! Митяй ни за что не поверит... Денис сглотнул вязкую слюну. Казалось, циркуляцию крови по венам, шумную, как горная речка, вот-вот услышит смотритель башни, прибежит, сверкая своими маленькими пропитыми глазами, решив, что где-то прорвало водопровод и его драгоценную башню заливает. Кто знает, что тогда будет? Никогда ещё Денис не совершал в одиночку столь диковинных поступков. Всегда с ним был Митяй, вернее, это он был с Митяем, и мама не раз говорила, что "ещё одна выходка, и я запрещаю тебе общаться с этим мальчишкой".

В сущности, мама имела все основания так утверждать. Не будь Митяя, в жизни Дениса не было бы и трети захватывающих приключений. Впрочем, жизнь Митяя также была бы бледнее. Денис был мозговым центром любого предприятия. Для донкихотовской храбрости приятеля он находил хорошие цели, и сам, как верный оруженосец и летописец, неизменно следовал за ним.

Отец был более благосклонен и не требовал от Дениса выбирать друзей. "Пускай малыш поучится жизни, – говорил он жене. – Городок у нас маленький и довольно безопасный. Не хочешь же ты, чтобы он узнавал жизнь из книг? Тем более то, что он читает, написано минимум четверть века тому назад".

Подумав, он прибавлял:

"Я тебе вот как скажу. Современные книги потому и не такие интересные, что писали их маменькины сынки, близорукие ребята, одним из которых ты хочешь сделать нашего ребёнка".

Скрючившись под окном, Денис вспоминал отцовские слова, пытаясь найти в себе достаточно храбрости, чтобы двинуться дальше. Эту миссию он не мог отложить на потом, когда Митяй наконец насмотрится на своих кроликов и изволит вновь, как обычно с поднятым забралом, отправиться навстречу приключениям.

Здесь прохладно и темно, как в пещере. Вместо факелов на недосягаемой высоте под потолком желтели забранные в металлическую сетку лампы. Можно было по лестнице подняться наверх или спуститься вниз. Везде следы подготовки к капитальному ремонту, который грозил так никогда и не начаться: возле стен стояли пыльные банки с краской и мешки с цементом, слежавшимся в сплошную массу. Обвалившиеся ступеньки заботливо заложили кирпичами. Мухи и летучие жуки, почувствовав наконец отдохновение после душасшей жары июньского полдня, кружили под потолком и радостно, оглушительно жужжали.

Денис отдал бы свой новый велосипедный звонок, чтобы знать, где сейчас гном-тюремщик. Хорошо бы они друг с другом разминулись... и хорошо бы не пришлось искать его, чтобы, например, украсть с пояса ключи от кандалов, в которые закован братик...

Нет! – сказал себе Денис – Не стоит позволять фантазии верховодить, особенно в этой ситуации. Быть может, всё ещё обойдётся.

Перебегая из тени в тень и шараясь от падающих из окон лучей света, он шёл по лестнице наверх до тех пор, пока не обнаружил себя среди агрегатов, похожих на старые карусели из парка аттракционов. Краска отваливалась с них хлопьями, словно лепестки с позднеосенних роз. Механизмы молчали. Когда-то они двигали старое Время, а к новому никак не подходили. Колокола нигде не было видно. Дальше дороги не было – только чулан с шестернями, покрытыми похожей на снег пылью, да круглое окошко, на котором, судя по многочисленным отметинам, любили восседать голуби. Если высунуться из этого окошка – знал Денис – увидишь огромный белый циферблат с металлическими стрелками и тускло мерцающими мудрёными цифрами.

Денис не стал выглядывать. Он принялся рыскать вокруг в поисках хоть какого-нибудь следа, упоминания о себе, которое мог оставить пленник. Поиски увенчались успехом, в конце концов в кармане у мальчишки оказались: хлебная корка, оставшаяся от чьего-то скудного обеда,дохлый мотылёк, которого раздавили, наступив на него (непрененно голой ступней!), и игрушечный паровозик из киндер-сюрприза. Денис тихо и радостно восклицал при каждой находке и в голове его роились разные невероятные идеи. Сюда! Сюда привели его, и... это пятно света из окна, не зря здесь меньше всего пыли. Должно быть, маленький Масимба встал в центр золотистого круга, надеясь, что кто-то увидит его, пролетая в небе на самолёте или воздушном шаре. О! Что это? Семена клёна... что бы они могли здесь делать?

Одна вещь надолго завладела вниманием мальчишки. В чулане стояла старая детская коляска, похожая на спрятавшегося там детёныша бегемота. Такие коляски умудряются поскрипывать сразу всеми своими колёсами, так, что получается незатейливая мелодия, похожая на ту, что напевает ночная пичуга. В первый момент эта коляска напугала Дениса до колик. Она была как притаившийся за углом грузовик из фильмов ужасов, который поджидает, когда с игровой площадки на дорогу выкатится мячик, чтобы с рёвом промчаться перед самым носом у перепуганной малышни.

Заперев в груди дыхание, мальчик смотрел на неё, а она (казалось) глазела на него добрым десятком рыбьих глаз, спрятанных в чешуе тента. Ни под каким предлогом Денис не хотел бы увидеть ребёнка, который там спал, и даже его старые пелёнки, если ребёнка там нет.

На самом деле, не было не только ребёнка, но и коляски. Она превратилась в стоящие друг на друге деревянные ящики, когда пятно света вдруг сдвинулось с места и осветило то,

что мальчику казалось колесом. Денис оглядел свои потные ладони, а потом взглянул на синие пластиковые часы на запястье. Оказалось, он стоял без движения добрых пятнадцать минут.

Его страху можно найти оправдание. Когда-то, когда Денису было три или четыре года, он восседал на подоконнике и ждал с работы маму, как вдруг увидел как по волнам вечернего сумрака, пересекая их подъездную дорожку и чуть не залезая колесом в клумбу с розами, проплывает чёрная ладья, влекомая двумя изящными руками стройной женщины, одетой в чёрное платье. Эта коляска и пригрезилась ему сейчас; выглядела она, как что-то, в чём можно возить мрачные мысли и тяжёлые воспоминания. Казалось, угодишь в люльку и больше не выберешься, захлебнёшься там, как в пруду со стоячей ледяной водой. Денис хорошо запомнил свои чувства тогда: он перепугался до крика, свалился с подоконника, ударился локтем, и только огромный плюшевый медведь, дежуривший на полу под окном, предотвратил большее несчастье.

У него тоже была коляска, но совсем другая. Когда она стояла на лужайке, то напоминала куст, усыпанный ягодами. И в ней хорошо пахло. Поэтому мальчик, пытаясь рассказать потом маме о том, что его так напугало в тот вечер, не называл этот предмет "коляской", он использовал слова и звуки (всё время разные), которые на языке маленького ребёнка обозначают тревогу.

А потом, почти год спустя, мальчик видел этот скорбный корабль стоящим в прихожей, между мамиными сапогами и папиными ботинками. И ещё раз – на чьём-то балконе рядом с детской площадкой. Оба раза он ревел, будто последний раз в жизни, и родители никак не могли понять, в чём дело.

Наконец, ошалев от происходящего, Денис сел прямо на пол и уставился в окно. Там душное синее небо пересекали чайки, спешащие к заливу. Возможно, его братец с нелепым именем "Масимба" тоже смотрел в это окошко и думал о чайках. Давал каждой имена, одевал их в своей голове в разные одежды, чтобы как-то различать. Одну птицу – во фрак и котелок, как фокусника на недавней книжной ярмарке, другую – в кепку и потрёпанное пальто, как грузчика магазина за углом.

Пора было признать: Денис один-одинёшенек в тесном помещении за часами. Никто не прятался по углам. Никто не звал его из-за штанг, вращающих стрелку. Не дрожал канат, ведущий к некогда отбивавшим время молоточкам. Денис опустил на корточки, рассеянно катая по полу игрушечный паровозик. Если зажмуриться, крепко, до треска в ушах, услышишь, как кто-то, крадучись, ходит рядом или, затаившись, смотрит на тебя со стороны лестничного проёма.

– Знаешь, я всегда просил родителей, чтобы у нас в семье появился ещё кто-нибудь, братик или сестрёнка, – сказал Денис воображаемому брату. – Рупор, конечно, весёлый, особенно когда был щенком, но он всё-таки не человек. У меня был рыжий кот по имени Бабука или просто Баз, с которым я не расставался. Мы были лучшими друзьями, даже купались вместе. Он часто вырывался у меня из рук, и поэтому ему стригли когти и запрещали кусаться. Однажды он убежал из дома и не вернулся. Теперь я думаю, что Баз не был мне братом – я имею в виду, по-настоящему братом. Он, как все кошки, хотел гулять сам по себе, а не возиться с малышом. Но ты... ты другое дело. Ты мой настоящий брат, а значит, никуда не уйдёшь, когда я тебя найду. Только скажи, почему ты прячешься?

Мальчика так заворожил звук собственного голоса, что шаги на лестнице ускользнули от его внимания.

– Масим... – воскликнул Денис, открыв глаза.

И осёкся. Бежать и прятаться уже поздно, разве что попробовать укрыться в огромной тени, которая выросла на площадке возле механизмов, будто сам его создатель воплотился из глубины веков, чтобы завести часы.

Всё мистическое пропало, когда луч усталого, пыльного полдня из окна высветил красное, заплывшее жиром лицо зрителя. Кажется, он и сам здорово перетрусил: глаза в глубину заплывших дурной кожей веках испуганно бегали.

– Мальчик, – спросил он опасливо. – Ты это... чего здесь забыл?

Денис, несмотря на юный возраст, встречал таких людей. Они как будто всё время чего-то опасаются и ни в чём не уверены. Их мир шаткий, как палуба корабля в бурном море. Видно, зритель ожидал, что ватага мальчишек сейчас налетит на него, стянет лоснящиеся ваксой сапоги и будет тянуть за остатки волос, делая полное лицо с каждым выдраным клоком ещё уродливее. Он никак не мог поверить, что мальчишка здесь всего один.

Денис в панике принялся сочинять:

– У вас часы встали, – сказал он громко, чтобы, если вдруг братик на самом деле тут и где-то прячется, он услышал и, может... может... пришёл на выручку к Денису, подобно тому, как тот, ни минуты не сомневаясь, полёз в часовую башню.

– Какие часы?

– Эти.

– Эти... мальчик, ты не отсюда?

– Не отсюда, – сказал Денис, – я только что поднялся по лестнице.

При ближайшем рассмотрении зритель оказался вовсе не садовым гномом. Он выглядел как пожиратель гномов: в животе, вываливающимся из-под тельняшки, мог поместиться их с добрый десяток. У него была крошечная голова с сияющими в полумраке залысинами, усы, похожие на вялые водоросли в так любимом мамой салате из морской капусты, длинные тощие руки, которыми мужчина мог достать Дениса, не сходя с места. Чтобы проскочить мимо и скатиться по лестнице к спасительному окошку, нельзя было даже думать. А что делал Митяй в ситуациях, когда ноги были бессильны? Пытался включить голову и выкручивать наглость на максимум! Митяй искренне верил, что таким образом получает значительно меньше тумачков, чем ему предназначалось.

– Так вы, дядя, может, подскажите мне время, да я пойду? – сказал Денис, стараясь вести себя как можно более непринуждённо. – И заведите уже эти свои часы.

Здоровяк похлопал глазами. Шея его приобрела малиновый оттенок – не то от смущения, не то от гнева.

– Да четырёх ещё нет, – сказал он, уставившись на шестерни и канаты, как будто раздумывая, куда бы пнуть, чтобы заставить их работать. Денис не мог поверить, что трюк сработал. Возможно, всё дело в голосе, который удивительным образом не подвёл. Если бы он начал дрожать... о, если бы он начал дрожать!..

Денис, обойдя здоровяка и поблагодарив его (вежливость – учила его мама – никогда и ни при каких обстоятельствах не бывает лишней), стал спускаться по лестнице. Но, наверное, это торопливое "спасибо" и вернуло усатого зрителя с небес на землю. Когда до окна оставалось каких-то четыре ступени (Денис уже предвкушал жар крыши), на его воротнике сомкнулась огромная ручища.

4.

Домой его доставили под конвоем милиционера, смешливой и доброй девушки в заломленной на бок и, казалось, едва держащейся на пучке волос фуражке. От неё пахло лошадиным потом (по секрету она сказала Денису, что работает в конской милиции, патрулирует набережную и позирует для туристов с фотоаппаратами).

– Вам-то весело, – сказал Денис хмуро. Он вёл под уздцы своего железного коня. – Гуляете каждый день! А я теперь два дня из дома не выйду.

Девушка легкомысленно сказала:

– Мы с тобой можем сговориться и сказать, что тот противный мужик просто оставил дверь открытой, а тебе стало любопытно.

Милиционерша была не самого высокого мнения о зрителе часовой башни. Кажется, она думала, что памятник архитектуры достоин менее пьющего и более представительного стража.

– Что ты вообще там забыл? – спросила она.

Денис чувствовал в своём конвоире родственную душу, поэтому выложил ей всё без капли сомнения.

– У меня есть брат. Только мне его никто не показывает. Я думал, что его держат в плену в часовой башне, – сказал Денис, утирая нос. Оттуда нещадно текло.

Девушка перестала улыбаться.

– Так-так. Расскажи-ка поподробнее.

Родители уже вернулись с работы. Они окружили милиционершу как вороны смертельно раненую олениху. Отец угрюмо терзал бороду, мама была бледна и то и дело прижимала ко рту носовой платок.

Дениса покамест оставили на диване, он сидел там, решив проявить хоть немного послушания. Возможно, это облегчит его участь.

Встревоженная работница милиции то и дело обращалась к отцу с вопросом: "У вас точно не пропал сын? Мальчик так убедительно рассказывал... Конечно, всё это больше смахивает на детские фантазии, но всё же..."

– Послушайте, – вздохнул отец и увёл женщину на кухню, где они долго вполголоса разговаривали.

Избегая поднимать глаза на маму, Денис смотрел, как покачивается на ламинате тень от её причёски. На ней не было лица, а было что-то бледное, холодное, как выпавшая из кармана зимой монетка.

Через некоторое время девушка-милиционер ушла, бросив на мальчика сочувственный взгляд. Отец, ни слова не сказав, поднялся наверх, на чердак. Рубашка его на спине топорщилась, будто звериный загривок. Денис слышал, как он ходит там, пиная стулья. Казалось, будто пыль просачивается сквозь потолок и ложатся на переносицу, вызывая позывы к чиханию.

Мальчик был прекрасно осведомлён о мистической природе чердаков, но к его разочарованию собственный их чердак был скорбным исключением из этого клише. Он был неудобным, тёмным и пыльным. Никакой мистики, только прабабушкины шубы и парочка ящиков с каким-то унылым тряпьем, которое папа, выкраивая примерно раз в месяц время, принимался разбирать, чтобы, в конце концов, плюнуть и запихать всё обратно. Мальчика туда особенно не пускали, мотивируя тем, что он может ненароком вдохнуть мышиную отраву. Да он не больно-то и стремился. На всех ровных поверхностях там лежали белые шарики средства от моли. Когда-то в карманах шуб водились мыши, которых Рупор очень боялся, поднимая лай на весь дом при малейшем шорохе. Впрочем, мыши, видимо, подозревая, что нервы хозяев и так расшатаны от громкого звука, старались вести себя потише.

Там стоял старинный отцовский стол из тёмного дуба, весь в зарубках и заусенцах, как будто сработал его железный дровосек из сказки, да и то в громадной спешке. В выдвижных ящиках не было ничего, кроме огрызков яблок, стопок каких-то бумаг, книжек про покорение Америки, да бутылочек с засохшим на стенках лекарством. Мама говорила, что когда-то отец очень любил этот стол – так, что прихватил его с собой, когда они переезжали из Петербурга. Денис не слишком понимал, зачем тащить такую громадину только для того, чтобы та стояла на чердаке, но на то взрослые и взрослые, чтобы многие их суждения и мотивы были странны для свежего детского разума.

Мама, повздыхав, пошла разбирать пакеты с покупками. Вид у неё был до крайности деловой, но, присмотревшись, Денис увидел, что белая точёная шея хранила следы ногтей: мама всегда чесала и тёрла шею, когда была чём-то взволнована.

– Ты расстроил нас, сынок, – сказала она, не поворачиваясь.

Это не звучало как угроза или упрёк. Простая констатация факта.

Денис забрался с ногами на диван. Сказал, имея в виду отца:

– Он что, хочет разобрать бабушкины вещи?

Нет ответа. Мама шуршала покупками. Видимо, его не собирались наказывать. Денис чувствовал, что родители... растеряны, что-ли? Он совершенно не понимал, что с этим делать.

– Знаешь, было бы хорошо, если бы я смог там играть, делать уроки за папиным столом, а то и переехать жить. Дидрик Смит из мальчишек-детективов тоже жил на чердаке.

– Замолчи, Денис. Ты и так сегодня наделал делов. Папа расстроен.

– Из-за меня?

Мама выгребала из пакета вещи и бросала на диван, очевидно, не испытывая от своей покупки никакого удовольствия.

– Так точно, малыш. Я, конечно, понимаю, каждый хороший сын должен быть непоседой и уметь расстраивать предков, но в этот раз ты, прямо скажем, переборщил. Ты мог упасть с высоты и что-нибудь себе сломать.

– Но я серьёзно думал, что он там! Братик, который так и не вырос. Я думал, что он наблюдает за мной с часовой башни.

Мама побледнела, но Денис, не замечая, продолжал, ускоряя темп, плюясь словами как из автомата:

– У меня никогда не было брата! Ни старшего, ни младшего. Если бы я был чьим-то пропавшим братом, я бы непременно объявился! Совершенно точно тебе говорю. И я не понимаю, почему он скрывается...

Внезапно Денис замолчал. Мама смотрела на него, хлопая глазами, лицо её было белым в свете настольной лампы. Нижняя губа встрепенулась, как птица, которая собралась улететь, а из горла вырвался низкий дрожащий звук.

– Денис, выметайся отсюда, не хочу тебя больше сегодня видеть! Успокой уже, наконец, свою буйную фантазию. Никакого брата у тебя нет и не будет.

"Вуф!" – сказал басом со своего коврика Рупор. Папа наверху перестал ходить. Мама смотрела на сына, не отрываясь, пока он не вышел из комнаты и не затворил за собой дверь.

Мальчик не расстроился, не заплакал и не принялся гадать о причинах столь внезапной перемены настроения матери. Он считал себя уже достаточно взрослым, чтобы попытаться всё понять собственной головой. И сейчас его глодала новая идея: что, если братик там, на чердаке, прячется среди напоминаний о прошедших эпохах, нет-нет, да и выдыхающих облака запаха старинного мужского одеколona? Ведь он, Денис, был там считанные разы, и каждый раз с кем-то из родителей. Они прячут его от посторонних глаз, как прятали Страшилу в книжке "Убить пересмешника" у Харпер Ли. Только Страшила Буу был страшным, потому-то его никому и не показывали (что страшила на самом деле не такой уж и страшный, Денис не знал; он продвигался по сюжету с маминой помощью, которая читала ему книгу перед сном, пропуская не предназначенные для ушей ребёнка моменты). А что до Масимбы... помимо того, что он маленького роста и поэтому ходит в сад (или он ходит в сад и поэтому маленького роста?) Денис ничего не знал.

Но он чувствовал, что ступил на верную тропу. Когда он смотрел на валики и шарниры часового механизма, ощущение было другим. Там – теперь Денис понимал – у него просто разыгралось воображение.

С этой мыслью он отправился в свою комнату, пожелав маме спокойной ночи через закрытую дверь. Она не ответила. Хотелось читать детективы, ходить кругами по комнате или,

может даже, поднявшись по скрипучим ступенькам, заглянуть одним глазком в щель под чердачной дверью... Но Денис, собравшись с духом, мужественно лёг спать. Не будет лукавством сказать, что ему на это потребовалось всё доступное терпение.

Глубокой ночью мальчика разбудил скрип петель чердачной двери и шаги отца. Тяжёлая поступь была слышна на кухне, потом проследовала через зал в спальню. Денис не стал вслушиваться в еле различимое бормотание. Перевернувшись на другой бок, он вернулся к недосмотренным снам.

Потерпи ещё немного, братик. Скоро я с тобой увижусь.

5.

Следующие несколько дней прошли как обычно. Денис рассекал в компании с Митяем на велосипеде по ухабистым городским улочкам, наблюдал за бродячими собаками, бросался кусками брусчатки в выставленные на подоконнике одного заброшенного дома бутылки. Погода стояла облачная, и тополя беспокойно шумели высоко над головой, будто там летит огромный зелёный дракон, а ветер от его крыльев, лёгкий-лёгкий, чуть касается щёк. Митяй рассказывал про кроликов на ферме, но Денис слушал вполуха. Он сказал:

– У меня, на самом деле, есть брат.

Они были на пустыре, коих в Выборге для знающих людей существовало видимо-невидимо. Когда-то здесь было старинное, наверняка красивое здание, теперь же выглядывали из земли только останки стен, и кусты чертополоха, вымахавшие почти в рост человека, стояли на его месте, как облокотившиеся на ограждение ринга боксёры.

– Все мы братья, – философски ответил Митяй. Он восседал на велосипеде, словно мотогонщик, ожидающий команды "на старт".

– Нет, настоящий брат, – сказал Денис. – Он меньше меня, хотя я родился после него.

– Все мы люди братья! – завопил Митяй, и принялся кататься по пустырю на одном колесе, словно цирковой медведь. Потом он свалился и сразу же вскочил, потирая уколотый растением локоть. – Чёртовы кусты. Постой. Что, правда?

Глядя на Митяя, хотелось аплодировать и бросать тому в кепку мелкие монетки. Иногда так и получалось: Митяй то и дело занимал мелочь на жвачки или сникерс, забывая об этом уже на следующий день. Впрочем, если ему перепадали от бабушки какие-нибудь сласти, а от мамы – разрешение поиграть в компьютер на выходных, он обязательно делился радостью с другом.

– Несомненная. Только здесь вот какое дело...

– Да какое тут, на фиг, может быть дело! – заорал Митяй и принялся носиться вокруг Дениса, пиная пустые пластиковые бутылки. – Вы же со свету меня сживёте! Интеллектом задавите! Ты один прочёл уже больше меня и папаши моего, нас вместе взятых, и теперь – трепещите! – на сцену выходят братья Пустохваловы, которые прочитали книг больше, чем весь этот городишко.

Он внезапно замер, уставился на Дениса совиным взглядом:

– А тащи его сюда. Знакомиться будем.

– Я же говорю, – терпеливо сказал Денис. – Вот какое дело. Я ни разу его не видел. Родители прячут его на чердаке. Папа вчера целых четыре часа там сидел.

– Что, и фотографий нет? – недоверчиво спросил Митяй.

Денис почесал затылок.

– Наверное, нет. Семейные фотографии я ужас как не переносу.

– Тащи сюда альбом. Будем разбираться в твоём геологическом дереве.

Денис хотел было поправить друга, мол, не дереве, а древе, и не геологическом... но, подумав, что и без того прослыл непоправимым занудой, махнул рукой и побежал за альбомом.

Вытащить его не составляло труда. Подобными вещами рано или поздно обзаводятся все без исключения мамы, но, сколько бы сил не было вложено в сбор и оформление семейного альбома, всё равно рано или поздно он будет заброшен на какую-нибудь пыльную полку. Отец считал это бессмысленной затеей: "Всё самое лучшее храниться у нас в памяти, дорогая", – говорил он. Денис тоже так думал, он просто не видел ничего интересного в разглядывании старых фотокарточек... до сего момента.

Альбом разложили на скамейке, возле небольшого, затерянного среди арок старого города, сквера. С визгами кружились на каруселях дети. По земле скользили тени чаек, их крики звучали как голоса китайских заводных игрушек.

– Так, посмотрим... – Митяй водил по страницам чуть не носом. – Вот! Кто этот карапуз? Похож на тебя, правда? Как две капли воды. А этот?

– Не знаю...

– Дело раскрыто! – Митяй вскочил на лавку, вызвав неодобрительные взгляды царственно восседающих неподалёку старушонок. – Осталось выяснить, почему твои предки его прячут, и...

– Это я, – нашёл в себе силы сказать Денис. Когда кто-то из приятелей видит тебя в трусах, возящимся в собственноручно построенной запруде, больше напоминающей грязную лужу, нелегко признать правду.

– А... – Митяй надул щёки, стараясь не расхохотаться. – Ты не говорил, что у тебя были такие смешные зубы. Что ж, давай искать дальше.

Денис готов был пожать Митяю руку – как мужчина мужчине – за то, что тот не стал развивать тему и ворошить прошлое. И в самом деле, какая разница у кого какие зубы были пять лет назад?

– Смотри, это ещё до твоего рождения, – сказал Митяй после недолгого молчания. Он ткнул пальцем в дату. Две тысячи второй год. Фотографии были далеко не чёрно-белые (то, что Денис представлял себе, слыша выражение "старая фотокарточка"), однако блеклые и с гордой надписью "Kodak" в уголке.

Оба они – и отец и мать – казались здесь какими-то особенно грустными. Папа ещё не сделал операцию по коррекции зрения; он смотрел сквозь стёкла очков в толстой роговой оправе строго и торжественно. Казалось, что там, на маленьких блеклых картонках совсем другая жизнь и другие, только внешне похожие люди.

– Где это они? – заинтересованно спросил Митяй – Здесь вот в лесу, а здесь – на теплоходе. В отпуске?

Денис гладил пальцем фотокарточки. Защитной плёнки здесь не было, и казалось, будто на ощупь они как сухая земля.

– Как раз в это время что-то произошло с моим братиком, – сказал он. – Вот почему они такие... сами не свои. Папа как-то говорил, что когда что-нибудь идёт не по-твоему, ты влезаешь в чужую рубашку.

Митяй сплюнул.

– При чём тут какая-то рубашка?

– В чужую шкуру, – поправился Денис. – И готов отдать всё, чтобы вернуть себе свою. Чтобы сделать всё, как было.

– Опять ты умничаешь, Пустохвалов! – заявил Митяй, с особым смаком произнеся фамилию Дениса. – Я не буду с тобой общаться.

Денис его не слушал.

– Смотри – он указал на дату. – Две тысячи второй. Они оба как будто кислых щей объелись. В две тысячи втором что-то произошло. И я готов отдать любой из своих передних зубов, что мой брат этому причина.

– Его нет ни на одной фотке.

– Его убрали... – Денису потребовалось несколько долгих мгновений, чтобы восстановить дыхание. – Чтобы я ничего не узнал. Но я обязательно докопаюсь до правды!

– Как детектив-призрак, – восхищённо сказал Митяй. – Знай же, я привык быть на первых ролях, но *в этой* истории, так и быть, уступлю тебе первенство. Стану твоим помощником. Верным гончим псом Подай-Принеси. Но только, чур, в следующем расследовании детективом буду я. У меня и плащ есть со шляпой, и клянусь своими гремучими костями, я добьюсь от мамки, чтобы она ушила его по фигуре...

Денис не ответил. Он не стал рассказывать другу, что в одиночку залезал на часовую башню. Игры закончились. Губы мамы, которые, казалось, готовы задрожать прямо на фотографиях. Опущенные плечи отца, который больше напоминает картонную фигурку, чем живого человека. Случилось что-то плохое, и Денис непременно должен узнать что именно.

6.

Все последующие дни Денис разве что не облизывал дверь на чердак. Крашенная мутной зелёной краской, она, как одна из тех ярких таблеток в "Матрице", внезапно обрела особенное значение. Глядя на неё, Денис чувствовал под языком странный солоноватый привкус. Замка там не было, однако открывалась она очень туго, с таким скрежетом, что казалось, будто крыша осыпается тебе на макушку.

Он прикладывал ухо к двери и пытался уловить хоть какой-то звук. Звал шёпотом, опустившись на колени и вдыхая пыль, что струйками выползала из-под двери, словно миниатюрная песчаная буря. Когда родителей не было дома, мальчик несколько раз попытался открыть дверь, но она очень плотно прилегала к косяку, а петли не смазывали уже, кажется, целую вечность. Денис не уверен был, что даже у мамы хватило бы сил с ней справиться. Пришёл Митяй, и после почти получаса бесплотных усилий ребята, обливаясь потом, отправились на кухню прохладиться домашним компотом.

– Не могу поверить, что я не справился с какой-то чердачной дверью. – Митяй злился. – Был бы я хотя бы на пару лет постарше, я бы разнёс её в щепки!

Он немного подумал, по обычаю потирая кончик носа пальцем.

– Слушай, у тебя там есть окна?

Денис пожал плечами.

– Одно. Совсем крошечное. Даже голову не просунешь.

– Проклятье! Слушай, дай мне дней десять, – Митяй буквально светился энтузиазмом. – Я постараюсь за это время стать таким же сильным, как за два года. У отца есть гиря. Буду поднимать её каждый день по сто раз! И есть, чёрт подери, бабушкину кашу. Ты ценишь жертвы, на которые я иду?

– Конечно, ценю, – сказал Денис.

На том и сговорились.

Но десяти дней ждать не потребовалось. Отец был угрюм, не разговаривал ни с женой, ни с сыном; он метался, как зверь на поводке, бормоча что-то в бороду, и уже на следующий день поздним вечером по лестнице зашаркали обутые в тапочки ноги. "На чердак", – понял Денис. На этот раз он был готов. Следил за отцом, словно Голум из фильма, который Митяй называл "Суматоха вокруг кольца". Прятался за шкафом и в тёмных уголках, что знал наперечёт... сколько весёлых игр в прятки в этом доме прошло! Один раз его, задремавшего в колыбели старой собачьей конуры, что стояла в чулане, не могли отыскать почти три часа.

Мальчик проскользнул в щель неплотно закрытой чердачной двери. Нырнул в ворох душных шуб, казалось, хранящих тревоги и беспокойства тех лет, когда их надевали. Зажав рот и нос, Денис просидел так, как ему казалось, не меньше пяти минут. Потом сделал первый осторожный вздох. Сердце успокаивалось. Никто не торопился его искать. По помещению раз-

лился свет одинокой настольной лампы (лампа под потолком зияла пустым патроном, будто хищное увядшее растение). Было слышно, как папа задумчиво двигает туда-сюда стул, такой же монолитный как стол. Он никого не звал, и никто не выбежал ему навстречу.

"Не может быть, чтобы я ошибся второй раз подряд", – думал Денис. Братик здесь, совершенно-несомненно точно. Так точно, как целится воробей, чтобы склевать крошку, на которую претендуют ещё десяток собратьев.

Денис разозлился на себя до слёз. Запутавшись в рукавах какого-то платья в горошек, он пропустил момент, когда что-то действительно начало происходить. Откуда-то появился мягкий свет, белый, как пролитое молоко. Послышался звук отодвигаемого ящика – в столе их было много, но Денис совершенно точно был уверен, что ни в одном не было ничего интересного. Но что это за звук? Как будто где-то совсем рядом бормочет и стонет неуспокоенный призрак. Из фильмов и мультиков Денис знал, что со многими призраками можно пообщаться, спросив: "Кто ты, ради Иисуса Христа, и зачем пришёл на землю, отвечай немедленно!" Однако даже просто открыть рот, разжать сведённые ужасом зубы, оказалось далеко не так просто. Перед глазами вновь стояла детская коляска и её безмолвная водительница; казалось, они прячутся здесь же, среди шуб и старых пиджаков из тяжёлой, похожей на дубовую кору, ткани.

Захотелось зажмуриться и позвать отца, но это было тяжело – не легче, чем поинтересоваться у призрака, как, собственно, у того идут дела. Впрочем, папа сам должен слышать эти звуки, разве нет?

Денису показалось, что всё вокруг заволокло туманом. Где-то внизу тьякнул Рупор, удивительно мягко и жалобно, так, будто ему в рот насовали тряпок. Шубы и прочая одёжка "из бабушкиного сундука" (больше частью это самое верное определение, которое можно дать развешанным на плечиках вещам) раскачивались, словно покрытые снегом еловые лапы. Пожалуй, именно так чувствовали себя первопроходцы в Нарнии, и сколько бы раз Денис не представлял себя на их месте, не ругал их за трусость и нерешительность, сейчас он вдруг отчаянно захотел, чтобы кто-то оказался на его месте. Хоть кто-нибудь. Кто-нибудь, про кого можно будет потом прочитать в книжке, только не он...

Наверху, над головой, светили звёзды, хотя текстуру потолка ещё можно было разглядеть. Где-то щебетали птицы. Призрак рыдал – теперь в этом не было никаких сомнений, и Денис принялся поскуливать в унисон... ровно до тех пор, пока не почувствовал солоноватый вкус на губах. Это его успокоило и даже немного разозлило.

"Постой-ка, – сказал он себе. – Для того ли ты закончил младшие классы, чтобы трястись как осиновый лист, напуганный каким-то гипотетическим чудом-юдом?" Сухой язык и скучные картинки, которыми изъяснялись учебники, исполинский мир терминов и понятий из мира взрослых, что рано или поздно срывается с неведомой вершины и катится через голову ребёнка, сметая всё, чем тот прежде грезил, превращая образы существ, с которыми тот разговаривал шёпотом на грани между сном и явью, в плети тумана, сейчас встали перед Денисом во всём своём великолепии.

Призраки, чудовища... их, в конце концов, не существует! Просто не может существовать! Так говорили родители, так рассказывали в школе. И даже Митяй, пусть и осторожно, но соглашался. Да, на чердаке заброшенного дома только пыль и занавешенные зеркала. Да, среди могил можно гулять по ночам, не боясь встретить кого-то, кроме кладбищенского сторожа с фонарём, да местных кошек.

На самом деле, конечно, в глубине души Денис собирался снять машину, которую мама называла "Вера во всякую ерунду", с холостых ходов. Скомандовать ей: "Полный вперёд!" Потные ладони готовы были уже вдавить пуговицу на рубашке, по совместительству кнопку запуска, когда всё закончилось так же внезапно, как и началось. Призрачный голос замолчал. Где-то завывал ветер, не то резвясь над верхушками ёлок, которыми воображали себя мохнатые шубы, не то врываясь в приоткрытую форточку. Денис распластался на полу и смотрел на

обутые в тапочки отцовские ноги. Вот они стоят возле окна, и подоконник скрипит под его локтями. Вот меряют шагами тесное свободное пространство.

Когда отец вышел прочь, погасив свет и закрыв за собой дверь, Денис наконец смог вздохнуть свободно. Шубы снова стали шубами. Звёзды оказались паутиной, которая блестела в свете лампы и трепетала на сквозняке. Теперь она повисла неопытным лоскутом. Мальчика сейчас не слишком-то волновало, что он может оказаться закрытым здесь до утра. Он выбрался из душных объятий одежды, на цыпочках подобрался к настольной лампе и включил её. Взявшись за ножку обеими руками, поводит перед окном, дав знак Митяю, что достиг успеха. Накануне он отправил другу СМС: "Сегодня иду внутрь". Дом Митяя находился ровно напротив, через дорогу, и окнами выходил как раз на чердачное окошко. Денис не сомневался, что Митяй слишком взбудоражен, чтобы спать. Может, играет в компьютер, но не имеет особых успехов в баталиях на просторах интернета: слишком увлечён этой загадкой. Не отрывал взгляда от окна всё время, пока здесь находился Денискин папа, и уж точно не отрывает сейчас. Нет сомнений, что он принял сигнал.

Теперь – главное. Денис обернулся, обвёл взглядом чердак. Скошенные потолки, забитые барахлом полки. Дебри одежды, в которых не хватает разве что щебетания птиц.

– Эй, Масимба! – шёпотом позвал он. Потом громче.

Нет ответа.

– Я знаю, что ты здесь!

Пахнет пылью и чем-то кислым... а, это зелёное яблоко, которое, видимо, ел папа, оставив на столе огрызок. Денис изучил отпечатки зубов и положил обратно. Слишком большие для ребёнка.

Только бы мама не зашла там, внизу, за какой-нибудь малостью к нему в комнату. Пару часов назад он пожелал ей спокойной ночи, сказав, что набегался на улице и валится с ног (Денис был достаточно самостоятельным ребёнком и спать шёл, когда считал нужным), и даже устроил на кровати под одеялом из подушек достаточно похожую копию себя, используя шлем имперского штурмовика из Звёздных Войн в качестве головы.

Денис дотронулся до поверхности стола, она ему показалась сыроватой, будто совсем недавно здесь накрапывал дождь.

Мама как-то по секрету сказала, что отец пытался стать писателем. И стол этот он купил не просто так. "У каждого уважающего себя писателя должен быть стол, как у Толстого", – говорил он. Денис не понимал, почему писатель обязательно должен быть толстым, и при чём здесь вообще его габариты. Наверное, среди писателей модно быть, так сказать, в теле, чтобы крепче стоять на земле, когда тебя, как уплывший на пляже от хозяев мяч, поднимает к небу волна идей. Папа, конечно, немного не дотягивал до нужных габаритов: он был плотным, но не более того, и ел за обедом обычно как птичка.

По мнению Дениса, стол этот больше напоминал кладбищенскую плиту.

Он начал выдвигать ящики, один за одним, пока в третьем сверху не наткнулся на папку со стопкой бумаг, которую видел и раньше, но не обращал на неё внимания. Судя по отсутствию на ней пыли, Папа доставал её только что. Картонная обложка показалась Денису влажной и пористой, словно древесный гриб, из неё во все стороны лезли помятые листы. Денис достал папку, взгромоздил на стол, под свет лампы, чтобы прочесть название, там, где было написано: "ДЕЛО №__". "Книга ненаписанных книг" – было выведено отцовским почерком.

На любых письмах, на любых заметках, которые папа делал на полях газет, почерк всегда был неразборчивым. Здесь же каждая буква выведена с особым тщанием.

– Значит, он написал свою книгу, – сказал под нос Денис.

Или всё-таки не написал? Способ проверить был только один. И мальчик, развязав тесёмки, откинул обложку.

Сухие, ровные буквы. Сейчас книги печатают на компьютерах, а раньше, наверное, набивали на печатных машинках. Но во времена, когда папа начинал свою книгу, он не был достаточно богат для печатной машинки. Его, наверное, съедали сомнения: ведь машинка почти как машина, если ты её купишь, ты должен будешь выводить её из гаража хотя бы раз в неделю, но дело ведь даже не в этом. Дело в том, что у тебя больше не будет двух дорог, у тебя будет только одна.

"Хотя, нет", – проглядев несколько страниц, решил Денис. Сомнений не было. Папа писал с яростью, отмечая путь своей ручки кляксами и чернильными полосами, где-то меняя цвета (зачастую прямо посередине слова), где-то, не в силах выразить что-то словами, делал торопливые рисунки. Штриховал их в минуты раздумий карандашом.

Здесь не было и следа того чёрствого, как недельный хлеб, человека. Человека, который открывает коробку с детским конструктором только для того, чтобы проверить, не завалились ли туда зубочистки. У которого не появляется искушения соединить между собой две детали, чтобы получилось что-то новое.

Денис зачарованно листал, прижимая края папки локтями, чтобы сквозняк не внёс хаос в отцовские записи. Приключения!

И вдруг как будто что-то ударило его по голове. Денис ещё раз пробежал глазами заинтересовавшую его строчку. Имя! Вот наглядное свидетельство, что он, Денис, в здравом уме. Ма...

Он не успел – не то что произнести его вслух, а даже внятно прочитать. Это имя вдруг разверзлось, как больная засухой земля, и всё, что было в комнате, включая мальчика, рухнуло вниз.

7.

О, конечно, Денис не раз летал во сне. Часто парил, как заправский Алладин на ковре, восседая на собственной кровати, и после, проснувшись, искренне верил, что сейчас достанет из-за уха перо пролетевшей мимо птицы. Сейчас то же самое ощущение, только не было никакого "после". Было прямо сейчас, момент, когда ты, только что мирно шагающий через поле, вдруг срываешься и падаешь в кротовую нору, потому, что она вдруг оказалась немного больше, чем ты предполагал...

Денис ещё не знал, как назвать то, что ощутил. Он оказался в другом мире, на ДРУГОЙ СТОРОНЕ.

"...И что же это за другая сторона? Самое главное, другая сторона *чего?*" – спросите Вы, и я (безмолвный наблюдатель, свидетель произошедших событий) отвечу: на ДРУГОЙ СТОРОНЕ – это вам не где-нибудь на другом конце земли. Это место недоступнее звёзд на небе, вряд ли кто-то когда-то найдёт способ сюда попасть. Не потому, что нужно садиться на самолёт, получать визу и делать множество сложных вещей, а потому, что это просто невозможно.

Этой стороны нет на картах. Никто не знает имён её первооткрывателей, потому что они никогда не возвращались к родным берегам. Здесь вообще многое не так, как в нормальном мире. Если кто-то расскажет её жителям о сотовых телефонах, они заплюют его с ног до головы, что является выражением насмешки. Здесь есть огромные пустыни, над которыми носятся сотни маленьких солнц, которые на самом деле являются облаками раскалённого газа. Издалека их можно принять за яркие воздушные шарики, но стоит такой детской радости полететь поближе, от тебя не останется даже мокрого места.

Но, конечно же, здесь есть дружелюбные существа. Впрочем, о них попозже.

Наверное, в ваших головах уже возникла картинка ДРУГОЙ СТОРОНЫ как некой волшебной земли, чего-то среднего между Нарнией и Средиземьем... сотрите её, сотрите немед-

ленно! ДРУГАЯ СТОРОНА не такая, иначе не получила бы право называться ДРУГОЙ, а имела лишь одно из множества похожих названий, вроде "Тридцатое царство" или "Пустынные земли", или заковыристое язык-сломаешь название на языке местных эльфов... которых здесь, кстати, нет. Ни местных, ни приезжих – вообще никаких.

Если коротко, то ДРУГАЯ СТОРОНА выглядит так, будто всё вокруг тебя нарисовано. И ты сам нарисован. Это не так весело как кажется: вещи здесь имеют только одно измерение. То есть взять кружку со стола ты можешь, а вот заглянуть в неё – ни в жисть. Хлеб на вкус, как картон. А если тебе вздумается поплакать, то следует быть осторожным: слёзы могут размыть линии между предметами. (Как сказал бы один из наших героев: "Хоть папа и говорил, что пацаны не плачут, мой друг Митяй утверждает, что всё зависит от обстоятельств". Иные обстоятельства позволяют случаться даже такому, чему, казалось бы, в жизни не место. Даже мужским слезам). Кроме того, ты можешь забрести на чистые страницы, где ничего нет, даже пола, даже верха и низа, и будешь барахтаться в пустоте, как мошка в сиропе, пока не нарисует себе хоть что-то знакомое...

Да, ДРУГАЯ СТОРОНА – она такая. Для неё нет других (и более верных) названий. Это как апельсин. Можно придумать для него с десяток синонимов и определений, но только одно слово может в полной мере заставить тебя чувствовать на языке этот вкус, даже если ни одного апельсина нет под рукой за много километров.

Всё, всё, молчу! А то, чувствую, вы сейчас запутаетесь окончательно и обвините меня в пустобрехстве.

Но вернёмся к нашему герою. Первые минуты ему пришлось несладко, как малышу, которого учат плавать достаточно жестоким способом, спихнув в водоём, достаточно глубокий, чтобы там можно было утонуть. Денис вдруг понял, что ноги его больше не стоят на твёрдой поверхности. Жёлтый свет лампы никуда не исчез. Он равномерно заполнял всё вокруг, будто по самому воздуху прошлись хорошенько вымоченной в краске кисточкой, ненароком закрасив всё, что было там ранее.

Даже чердак с его нехитрым интерьером?

Денис огляделся. Он больше не парил в пустоте – даже уверенность, что он куда-то только что падал, исчезла. Теперь мальчик решил что ослеп, не чёрной слепотой, которой обычно слепнут люди, а какой-то особенной, жёлтой её разновидностью.

Потом он немного успокоился.

К нему, ступая по *ничто*, как по мягкому снегу, приближался маленький человечек. Ребёнок. Ростом он был примерно по грудь Денису, невидимый ветер шевелил его волосы и надувал рубашку, полоскал трубочки-штанины шорт вокруг тонких как спички ног. На ступнях – простые сандалии.

Слепцы ведь не видят маленьких человечков, верно?

А тем более маленьких человечков, нарисованных несколькими небрежными линиями и заштрихованных торопливым штрихом.

Денис, переволновавшись, задал сразу два вопроса, один из которых бесцеремонно наехал на другой, съев его начало:

– Ты кто? Куда же я делся?

Второй вопрос значил отнюдь не то, что мог спросить мальчик, который каким-то чудом обнаружил себя в незнакомом месте. Денис и в самом деле не мог себя найти. Он смотрел вниз и видел то же, что и везде вокруг – то есть ничего. Смотрел сквозь свои руки, и взгляд терялся где-то в томном золотистом пространстве. "Ох и развлёкся бы я, если б умел так делать по собственному желанию" – промелькнула мысль, показавшаяся в данных обстоятельствах чуждой, как корейский самолёт над Крымом. И, следом, другая: "Однако он может меня видеть!"

– Прости, – сказал мальчик. – Я не успел подготовиться, поэтому здесь так пусто.

Он напоминал человечка, нарисованного на полях комикса талантливым маленьким читателем в подражание художнику.

– Куда я попал? – тупо спросил Денис.

Кажется, в пору было испытывать облегчение уже оттого, что речь звучала как положено, а не вылетала изо рта облачками с текстом. Денис пока никакого облегчения не чувствовал.

– Дурачок, – ответил без улыбки мальчик. – Это делается очень просто. Как бы ты себя описал?

– Что делается? – растерялся Денис.

– Как бы ты себя описал? – терпеливо повторил человечек. Губы его, намеченные двумя линиями, двигались так естественно, что Денис не мог отвести от них взгляда.

– Не знаю...

– Ты должен что-то о себе рассказать, – настаивал человечек. – Иначе ты не появишься, и я так и буду стоять здесь и разговаривать с пустотой, как дурак.

Денис крепко задумался. Это была проблема. С ним вечно случалась чёртова прорва вещей, интересных, и не очень, но когда Тамара Викторовна, учительница начальных классов, подплывала к нему, чтобы спросить: "А ты как провёл лето, Пустохвалов?", Денису было трудно выдавить из себя даже слово. Тамара Викторовна была как враг из шпионских фильмов, который собрал в весёленькой зелёной комнате ватагу ребят и у каждого поочередно допытывался, где найти штаб партизан. Отмалчиваться было бесполезно. Она нависала над тобой, как туча, и где-то в груди у неё было заперто рокотание грома. Тянулись секунды, которые Тамара Викторовна могла растягивать сколь угодно долго, как хорошую жвачку. И тогда Денис выдавливал под тихий смех окружающих: "Ярмарка", и Тамара Викторовна, покачивая головой и посетовав, что в городе для детей маловато по-настоящему интересных занятий, двигалась дальше. На той ярмарке побывали с мамами все ребята из класса, и было там, за исключением соревнования по метанию подков, невероятно скучно.

Сейчас Денис чувствовал себя точно так же. От него хотели, чтобы он отрезал и выложил на блюдечко кусок своей жизни, или... что конкретно от него хочет этот незнакомец? Зачем ему рассказывать о себе, тем более, в таких странных обстоятельствах?

Окончательно перепугавшись, Денис гаркнул:

– А ты ещё кто такой?

– Разве не нужно для начала определиться, кто есть ТЫ? – удивился мальчуган.

– Нет, – отрезал Денис.

Он считал, что сейчас самое время сделаться упрямым. "Если не показать, что ты упрямец, и вообще, умеешь стоять на своём, тебя втопчут в землю", – так говорил героически упрямый Митяй.

– Ну, тогда я не буду с тобой разговаривать, – сказал мальчуган и повернулся спиной, чтобы уйти.

Денис оглядел себя и окончательно уяснил, что он действительно до сих пор ничего из себя не представляет. Даже надоедливая, глупая муха значила бы сейчас больше – оттого, что не напрягаясь пролетела бы сквозь его живот. И, конечно, оттого, что от её крылышек хоть немного, но шевелится воздух.

– Подожди, – сказал он, решив от упрямства, которое торчало из всех карманов, всячески мешалось и вообще ощущалось довольно неловко, вернуться к любимому здравому смыслу. – Это... и вправду по-глупому. Но я не могу.

– Почему это? – в голосе маленького человека плескалось ленивое удивление.

– Потому что у меня язык начинает заплетаться, когда нужно рассказать какую-нибудь сраную чертовщину, – признался Денис. Мама рядом не наблюдалась, а нехорошим словом приятно подправлять всё что угодно – от радости, до небольшого, как здесь, унижения. Чертовски приятно. – Я иногда мечтаю стать писателем! У меня папа, знаешь ли, мечтал им стать,

так что с сегодняшнего утра мечтаю и я. Рассказать что-нибудь интересное у меня не получится ну ни в жисть. Потому что... ну, знаешь, писатели много не разговаривают. Мысли у них не вода, а камушки, и через рот не вытекают.

Для верности Денис тряхнул головой, словно надеялся дать незнакомцу услышать, как они там грохочут.

Человечек обернулся и с интересом взгляделся в пустоту, которой сейчас был Денис. Потом он хлопнул в ладоши:

– Придётся всё осваивать на ходу. Значит, так. В этом мире слова имеют особенную силу. Вот попробуй. Скажи, кто ты?

– Ну, мальчишка...

И сразу Денис почувствовал себя им. Это было странно, но и забавно в некотором роде. Как будто ты, надкусив пирожок и жуя его, не мог угадать, что там за начинка до тех пор, пока заботливая и всезнающая мама не подсказала.

– Если сумеешь, можешь дорисовать то, что, по твоему мнению, не хватает, – сказал маленький человек.

Теперь, когда решалась одна из проблем – куда, собственно, подевалось его тело, – у Дениса наконец появилась возможность разглядеть собеседника. Несмотря на примитивность, с которой тот был изображён, некоторые детали были настолько выразительны, что просто лезли в глаза. Белокурая чёлка над похожими на шрамы бровями, тонкая, почти страусиная шея, костлявые, но изящные руки, видя которые у своих подрастающих чад многие мамы впадают в трепет и норовят поскорее отвести их в какую-нибудь музыкальную школу. На вид этому малявке можно было дать лет пять, однако говорил он с пугающей медлительностью взрослого и смотрел снизу вверх серьёзно и внимательно. На маленьком, почти незаметном носу чудом держались очки, по сути, пара неровных окружностей, связанных дужками. Денис смотрел на этого серьёзного коротыша так, будто собирался прибить муху, которая вежливо с ним поздоровалась.

На первый взгляд на нём была самая обычная одежда, в которую может быть одет любой мальчишка со двора. Но, присмотревшись, Денис заметил много занятных подробностей. Расшитый зелёными и красными нитями воротник, такой потрепанный и изжеванный, будто его владелец пытался накормить им целую деревню. Сандалии очень грубые, явно сшиты не на фабрике, но вместе с тем сработаны очень прочно. На поясе вещевой мешок, к которому пристали сухие листья и семена, выглядящие в этой пустоте как драгоценности, найденные в кармане дырявого застиранного халата. В завязках запуталась какая-то ветка. Шорты поддерживал узкий поясок, сплетённый из множества нитей. Столь яркой вещицы Денису в жизни ещё не приходилось видеть: похоже, каждая из его составляющих имела особенный цвет. К мешку, кроме того, была привязана шляпа, больше всего напоминающая пиратскую треуголку.

– Я лучше скажу ещё что-нибудь, – не отводя глаз от малыша, сказал Денис. Он представил, что будет выглядеть как тот человек из тетрадки, которых он, бывало, рисовал, разыгрывая на бумаге миниатюрные наивные сценки. Палочки-ручки с пятью-шестью пальцами разной длины, голова-слива... иногда у таких человечков были в руках автоматы и винтовки. Денис хотел себе автомат или настоящий железный меч, острый, как тридцать семь процентов шуток Митяя – то есть лучшая их часть – но решил, что хочет для начала себе нечто, чем этот меч можно было бы держать.

– Ну, скажи.

Человечек ждал. Денис почувствовал укол страха. Хотя рядом с этим малявкой не хотелось бояться. Это был... ну, наверное, предупредительный укол.

– И скажу... – он оглядел свои призрачные ладони – ладони обыкновенного среднестатистического мальчишки, от царапин на пальцах до грязи под ногтями. – Ну, например, у меня кожа посмуглее, чем сейчас, волосы светлые и не такие длинные. Мама говорит, что если я не

буду стричься, то это значит, что я либо девчонка, либо морской капитан... но я же не морской капитан... А глаза, пожалуйста, карие!

Денис замолчал, сообразив, что если вокруг по-прежнему будет так пусто, он никогда не сможет почувствовать своих глаз. Да и какая, в самом деле, разница, какого они цвета?

– Дальше, – подбодрил малыш. За бликующими непонятно отчего стёклами очков зажётся огонёк интереса. Денис окончательно осмелел и потянулся к своей голове, чтобы понять, какие детали ощущаются не так, как должны.

– Ещё у меня уши не такие оттопыренные... эээ, совсем не оттопыренные. Голос, как у Железного Человека из фильма... нет, нет, стой, сделай как было. А ещё – вот! – татуировка в виде маленького чёрного якоря на правой кисти...

Всё, что называл Денис, появлялось, так, будто его быстро-быстро рисовал какой-то художник-виртуоз. Хотя нет, виртуозы, они не такие. Виртуозы рисуют полотна, где люди с надменными лицами застыли в нелепых позах, а эти локти с царапинами, и эти костяшки, и картинку с якорем рисовал художник-комиксист. Это было очень приятно. Денису почудилось, будто он чувствует, как волосы на затылке быстро-быстро вырисовывает ручка в чьей-то руке. Стало щекотно, но Денис постарался не дёргаться, чтобы не испортить невидимому художнику работу.

– Скажи, как ты всё это делаешь?

– Не я. ДРУГАЯ СТОРОНА.

– Что за сторона? – спросил Денис. Название это показалось ему до ужаса зловещим, и вот тут он по-настоящему испугался. Робко попросил, в последний момент осознав, что он голый:

– А можно мне какую-нибудь одежду?

– Я не гардеробщица. Попроси.

Одежда появилась. Это была "какая-нибудь" одежда, которую и просил Денис, поэтому ему пришлось выбирать из просторного индийского сари и каких-то невозможных штанов с раструбами, похожими на трубы паровоза. Это едва не довело его до обморока, однако, когда мальчик выбрался из бесполезных тряпок и описал свою одежду более подробно, он успокоился и вторично задал волнующий его вопрос:

– А теперь отвечай, кто ты такой.

– Ты так хотел меня найти, а теперь не знаешь кто я?

– Ты Масимба.

Мальчик поскрёб нос. Он был нарисован куда более небрежно, чем Денис, и Денису по этому поводу стало неловко.

– Вообще-то меня называли Максимом.

Денис подумал про сопли, текущие из носа воспитательницы.

– Точно. Я так и подумал. Так ты – тот, кого я искал. Ты мой братец.

– Не могу сказать, что это неприятно, когда тебя ищут, – строго сказал малыш, нахлобучив на голову треуголку. Этот жест придал ему комично-деловой вид. – Судя по тому, что ты меня нашёл, ты не разменивался на мелочи. Искал по-серьёзному.

– Не разменивался на ме-елочи, – зачаровано протянул Денис. Теперь он понимал, почему все говорили, будто Масимба... Максимка, старший брат, давно уже должен был измениться – но при этом он остался прежним. – Так вот какой ты!

И Денис, будто на запястьях его развязали какие-то путы, столь же невидимые, как и всё остальное, задушил Максима в объятьях.

– Митяй обалдеет, когда я ему расскажу! – вопил он.

Максим придушенно сопел, но старший-младший брат не обращал внимания. Он захлёбывался от восторга. Словно тогда, раньше, при виде игрушки, которую тебе дарят на день

рождения и которая – ты вдруг это понимаешь – станет твоей любимой на долгие месяцы. В такие моменты всё твоё существо пронизывает одна-единственная мысль – чудеса существуют!

Наконец Денис отстранил от себя щуплое тельце. Заглянул брату в лицо: очки съехали чуть набок, однако нарисованные чёрными чернилами глаза смотрели строго и серьёзно.

– Да где же мы, Максимка? – спросил он. – Как нам попасть домой? Или что же, будем барахтаться здесь, в пустоте, как червяки в луже?

– Здесь нет никакой пустоты. ДРУГАЯ СТОРОНА полна жизни и событий, – малыш сделал небрежный жест рукой, выглядящий очень комично. – Посмотри вокруг.

И Денис огляделся, внезапно поняв, что под ногами больше не бесформенная невидимая вата, а что-то твёрдое, на чём вполне можно стоять.

– Моргни, – предложил Максим.

Денис выпятил нижнюю губу, что говорило о его проснувшемся, как всегда внезапно, упрямстве.

– Да не хочу я что-то моргать. Сам моргай, если хочешь.

На самом деле, ему, конечно же, было страшно. Он пучил глаза, сколько мог, а потом, когда уголки их начало жечь, не удержался и моргнул.

За мгновение темноты мир изменился; он чудом успел завершить перестановку декораций на сцене к тому моменту, как Денис открыл глаза. Они были в тесной соломенной хижине, чем-то похожей на чердак, где Денис только что был. Та же скошенная крыша, только теперь отчего-то на одну сторону, как будто кто-то начинал строить дом с размахом, а на середине пути вдруг понял, что для того нужны материалы поосновательнее. И бросил всё на середине. Снаружи, сквозь дырявый пол, было видно заходящее солнце.

– Что это? Ты здесь живёшь?

Денис сел на задницу, почувствовав сквозь штаны твёрдую холодную землю. Это ощущение было настоящим; но всё что можно было увидеть глазами по-прежнему походило на рисунок, сделанный торопливо и небрежно.

– Нет. Это просто охотничья хижина. Временное пристанище. Ночлег. Я остановился здесь, когда услышал твой голос совсем рядом. Подумал, что встретить тебя в поле или в лесу было бы не слишком гостеприимно.

Денис вдыхал прохладный воздух и чувствовал на своём лице солнечный поцелуй. Он замечал всё это потому, что не мог принять для себя разницу между тем, что видят глаза, и тем, что шепчут прочие органы чувств.

– То есть, она ничейная? Совсем?

Малыш посмотрел на брата поверх очков.

– Если она есть – значит, кому-то нужна. Может, построена специально, чтобы мы могли встретиться здесь. Может, ночью войдёт хозяин. Я оставлю на этот случай отодвинутым пол.

Денис вскочил и сделал несколько осторожных шагов. Хижина приветственно шептала и бросала на голову мусор. Всего одна комната, пять шагов вдоль и столько же поперёк. В одном месте под ногами хрустнула зола – в соломенной-то постройке! – Денис поднял голову и увидел в крыше отверстие дымоотвода. Никакой мебели, на глиняном полу набросаны шкуры. Если отвести от них взгляд, чудилось шевеление, будто эти шкуры по-прежнему стремились куда-то бежать, скакать на длинных изящных ногах или ползать, сгребая брюхом землю. Кто знает, кому они принадлежали...

Книг Денис не увидел. Зато увидел прямо на полу простую глиняную посуду, слишком небрежно изготовленную, чтобы мама сочла её подходящей для сервиза. В лавку, сработанную из распиленного напополам бревна, был воткнут длинный нож, такой большой, что больше походил на меч. В углу, рядом со входом, через который спокойно влетали и вылетали похожие на жуков насекомые, висел гамак, из-за обилия дыр похожий на подвешенный за два конца ломоть сыра. Кое-где их попытался затянуть своей паутиной паук, но не особенно преуспел.

Денис осторожно поинтересовался.

– Что он скажет, если застанет у себя дома двух детей? Как мы объясним, где наши родители?

– Это особенное место. Здесь никого не волнует, откуда ты и кто твои родители. Здесь встречаются маленькие люди и встречаются большие люди. А иногда, бывает, ты попадаешь в компанию других существ. Они ни о чём не спрашивают. Если ты здесь, где твои мама и папа совершенно неважно.

Заложив руки за спину, Максим прошёлся по помещению туда и обратно.

– Ты должен меня послушать, брат, так как я собираюсь рассказать тебе про то, что может тебя ожидать здесь. Про возможность менять мир словами я уже говорил. Это, если можно так выразиться, первое правило ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

– Что-то вроде магии?

– Если хочешь, называй это магией. Второе. Всё, что есть в этом мире, уже давно придумано. Ты можешь что-то изменить только в мелочах. Даже словами. Даже рисунком: можешь дорисовать недостающие детали, но не можешь быть новым творцом. Одежда, которая сейчас на тебе, досталась от разных людей, существующих где-то здесь, на ДРУГОЙ СТОРОНЕ. Или существ.

Денис увидел в одной из мисок воду, заглянул туда. И ахнул:

– Это не моё лицо.

– Правильно. Лицо, которое кто-то уже придумал. Возможно, собранное по кусочкам. Но не твоё. Не думаю, что у тебя получится воссоздать себя в точности, как был.

Денис почувствовал обиду.

– Тогда пусть остаётся как есть. Всё равно оно симпатичнее того, что было у меня раньше. Голос-то уж точно лучше.

– Третье, – малыш вдруг остановился и посмотрел на Дениса. Переносица его горела отражённым солнечным светом, будто лампочка размером с мизинец. – Если ты встретишь муравейник, покрытый туманом, держись от него подальше. Если ты вообще увидишь туман, не просто туман, а такой белый, как только выпавший снег, ни за что не подходи близко. То же самое касается предметов или существ, вокруг которых курится этот туман. В основном остерегайся муравейников, муравейники встречаются чаще всего.

Денису вспомнилось странное чувство – хорошо знакомое, хотя поймать его с поличным было почти так же трудно, как в северных карельских озёрах поймать крокодила. Мама частенько читала ему вслух. Года два-три назад это были сказки, и убаюканный маминым голосом Денис проваливался в сон. Момент *перехода*, момент между сном и явью, когда мамин голос ещё звучал (глухо, словно раздавался под сводами огромного зала), когда оживали сказки, и всё становилось странным, когда цвета блекли, а зелёный, наоборот, становился ярче и начинал пахнуть каким-то задумчивым дурманом.

– Да я же провалился в книгу! – воскликнул он. – В папину книгу. Вот почему всё такое необычное.

– Книги – это просто буквы, отпечатанные или написанные от руки на бумаге или пергаменте, – поджав губы, сказал Максим. – Очень много букв, много слов, есть какой-нибудь смысл... нет, это не книга. Это ДРУГАЯ СТОРОНА. А попасть в неё можно хотя бы и через дырку от бублика. Главное – твоё желание здесь оказаться. Или не желание. Словом, от тебя ничего не зависит. Ни способ, ни время.

Сказав так, мальчик повернулся к брату спиной и вышел прочь. Денис ещё несколько секунд стоял с открытым ртом.

– А от кого зависит? – спросил он наконец.

Нет ответа.

Испугавшись, что больше не увидит Максима, Денис рванулся вперёд и, запутавшись в пологе, вывалился наружу. Вскочил, ошалело озираясь. Всё вокруг было чьими-то каракулями и требовало узнавания, словно слово на иностранном языке, требующее чтобы ты вспомнил перевод. Вот это лесная опушка. Это овраг, заросший каким-то густым сиреневым кустарником. Небо с краешком солнца и намазанными на него, словно сливочное масло на молочный батон, облаками. Ветер... который ты не чувствуешь, а видишь – натурально, видишь: будто какой-то малыш задался целью закрасить всё вокруг ручкой с исчезающими чернилами, а чернила эти, не будь дуром, исчезают, и приходится снова приниматься за работу. Такой он здесь ветер.

– От кого зависит?! – закричал Денис брату.

– Скажи мне, если когда-нибудь узнаешь, – был ответ.

Денис вдруг почувствовал себя совершенно опустошённым. Дома уже, должно быть, глупокая ночь. А здесь по светлому небу, сквозь жидкий цвет которого, казалось, просвечивала текстура бумаги, летели птицы-чёрточки. На них не получалось задержать внимание, даже если сильно того захочешь.

– Можно, я посплю? – попросил он. – Я даже не ложился вечером. Следил за папой. Ждал, когда он пойдёт на чердак. Если бы я знал, что всё так просто, я бы не стал ждать, а просто нашёл бублик...

Максим покачивался с пятки на носок и, опустив руки в карманы, разглядывал прихотливый рисунок трещин в земле. Больше не казалось, что он собирается пропасть. Вещевой мешок с пояса перекочевал к входу в хижину, как этакий добрый знак, предвестие хорошего отдыха.

– Хорошо, – слышался снисходительный ответ. – Я буду учить тебя потом, если, конечно, захочешь уйти со мной. Так или иначе, эти правила тебе пригодятся. Но сейчас, перед тем как уснёшь, подумай хорошо и задай все свои вопросы. Это нужно сделать не откладывая, потому что одно дело просто обнаружить себя здесь, а другое – заснуть и проснуться на ДРУГОЙ СТОРОНЕ. Осознать, что ты её часть.

Денис выслушал не перебивая, а потом задал тот самый животрепещущий вопрос, который уже было решил отложить до утра:

– Как мы можем вернуться?

– Вернуться куда?

– К маме с папой. Они тоже будут рады тебя видеть, я уверен.

– Ты уже совершил переход, – сказал Максим. Затылок его выглядел пушистым соцветием одуванчика.

– И что это значит?

– Значит, что я совершил его очень давно – даже не могу вспомнить точно когда, – и, как видишь, до сих пор тут.

Денис не верил своим ушам. В носу назойливо засвербело. Ущипнуть ли, уколоть ли себя чем-то, чтобы проверить: в самом ли деле всё это происходит? Наступить, может, босой ступнёй на острый камешек?

– Я... мы останемся здесь навсегда?

– Всё во вселенной зависит от твоих желаний, – сказал Максим. – На ДРУГОЙ СТОРОНЕ это особенно очевидно. Наглядно, так сказать. Если ты чего-то очень сильно хочешь, ты найдёшь способ.

Денис в отчаянии оттянул майку на животе.

– Но я очень сильно хочу, чтобы мы вдвоём оказались дома! Я думаю, мы без проблем уместимся в моей комнате, если поставить двухъярусную кровать. И ты такой умный, что я уверен, тебе не придётся больше ходить в садик. Тебя без проблем примут в первый класс, а может, даже во второй!

Максим сказал, не моргнув глазом:

– Значит, возможность рано или поздно появится. Жди, и смотри в оба.

Денис вскочил на какой-то валун, напоминающий поделку из папье-маше. Валун свалился на бок (он оказался не толще листа бумаги), и мальчик, растянувшийся на земле, посмотрел на брата снизу вверх. Он чувствовал, как пылают его щёки.

– Но я хочу этого прямо сейчас! Прямо! Сейчас!

Голос Максима был сродни холодной воде.

– Невозможно выйти из комнаты, не зная, где находится дверь. Послушай, я сейчас как раз направляюсь в одно место. Идём со мной. Может, мы вместе найдём эту дверь.

Денис сжимал кулаки и шумно дышал.

– Что ещё за место?

Вместо ответа Максим вытянул руку в ту половину мира, где уже наступила ночь. Холмистый пейзаж парил в абсолютной темноте, будто очертания одеял и подушки, которые видишь вдруг в промежутке между снами, подняв веки. Денис сначала не мог различить в указанной стороне абсолютно ничего, но потом, приглядевшись и утерев наворачнувшиеся на глаза непрошенные, злые слёзы, разглядел еле заметную пульсацию света.

– Что это? Звезда?

– Это ЗОВУЩИЙ СВЕТ. Что бы это ни было, мне нужно до него добраться.

– Тебя он, что ли, зовёт? – спросил Денис. Он всё ещё чувствовал жгучую обиду за то, что не может прямо сейчас отправиться спать в собственную постель. Не то, чтобы он обижался на Максима – ведь Денис сам во что бы то не стало хотел его найти – он обижался на эту таинственную ДРУГУЮ СТОРОНУ и её дуратские правила, которые мешают им с братом тут же, немедленно, оказаться дома.

И всё-таки, как, интересно, сложатся их отношения по возвращении (которое непременно когда-нибудь случится! Денис не допускал даже мысли о том, что они останутся здесь навсегда)? Ведь Максим умнее его, это очевидно, и рассуждает почти как взрослый. Но Митяй, не говоря уж о других мальчишках, засмеёт Дениса, если тот будет слушаться какого-то сопливого малыша. Вот тебе загадка загадок.

Денис обдумывал это, посасывая кончик пальца и скосив глаза на брата. Не получится ли с ним как-нибудь договориться? Скажем, вести себя на людях как полагается, в обмен на Денискину защиту от хулиганов. Ведь никто не любит умников...

Между тем Максим начал отвечать:

– На самом деле, это маяк. Он стоял, потухший, долгие годы. Но теперь кто-то там поселился и зажигает каждый вечер огонь, – малыш сжал кулачки, и в этом движении Денис увидел наконец то, чего так долго ждал – детскость. – Мне во что бы то ни стало нужно узнать, кто это делает.

– Что это за маяк? Старый?

Денис, как и любой ребёнок, питал страсть ко всяким маякам, заброшенным водонапорным башням и прочим несуразным, покинутым людьми каланчам.

– Совсем скоро ты узнаешь его историю и даже познакомишься с прежним его обитателем. Та ещё личность, вот увидишь... и та ещё история.

Он ухмыльнулся.

– Ну ладно. Ты устал, я понимаю. Тогда давай спать. Я устроюсь на полу, а ты иди в гамак. Денис вскочил: спорить в лежачем положении было не так-то просто.

– Я старший брат, мне и спать на полу.

Вместо ответа Максим стянул очки и взглянул на Дениса круглыми, как у совы, близорукими глазами.

– Дурачина! Я не могу спать в чём-то, что качается.

– Ага! – Денис ткнул пальцем в брата. – У тебя морская болезнь!

Было немножечко стыдно, но всё же он был рад найти хоть какую-то слабость у непробиваемого и рассудительного брата, который не совсем выглядел кем-то, кто будет играть с красным пластиковым паровозом и даже гонять на велосипеде.

– Я был когда-то моряком, – печально сказал Максим. – Очень давно. Но гамаки делают со мной страшные вещи... я будто возвращаюсь в те времена, когда я был ещё по-настоящему маленьким, и переживаю заново первые мои дни в этом мире.

Был моряком! Да что же это за ДРУГАЯ СТОРОНА-то такая, что даже такая сопля может здесь бороздить океаны, как настоящий пират! Обескураженный этой мыслью, Денис забрался на гамак и мгновенно заснул, запихав по старой памяти оба больших пальца в рот. Когда он выглядел на столько же, на сколько сейчас выглядит Максим, он только так и мог заснуть. С тех пор прошло много времени... но совсем не столько, сколько прошло для старшего-младшего брата. Денис пообещал себе это запомнить.

8.

Пробуждение было сродни взорвавшейся в голове петарде. Хотелось плакать, но Денис мужественно вонзил в ладони ногти и не пискнул. Сейчас серые рассветные сумерки, но чуточку попозже, когда солнце окончательно завладеет белым светом, мама встанет, чтобы сделать ему какао... наверное, она больше не злится за те расстройства, что непоседа-сын, как нерадивый почтальон, доставил накануне. Он смотрел в качающийся потолок и предвкушал вкус напитка с молоком на языке. Думал, что хорошо бы, чтобы всё произошедшее вдруг оказалось сном...

– Нет! – Денис попытался резко сесть, однако вместо этого беспомощно забарахтался в гамаке, размахивая руками и крича в потолок: – Ты мой единственный брат, и я не хочу тебя потерять!

Что-то отпрянуло прочь, закрутилось, подняло с земли и закружило засохшие листья, лежавшие по углам помещения. Они выглядели как клочки рваной бумаги.

– Тише, тише, мальчик, – прогудели прямо над ухом. – Я же не туча, чтобы разгонять меня так махая руками, ну!

Только тут Денис окончательно проснулся. Он спустил ноги к полу и принялся бешено вертеть головой. Перед ним стоял, сложив на впалом животе ладони, печальный старик. Увидев, что через него просвечивают стены и краешек окна, мальчик лихорадочно стал вспоминать все истории о призраках, которые он когда-либо слышал.

– Вы хозяин этой хижины? – спросил он.

Голос у призрака был под стать внешности: такой скорбный и недовольный, что зачесались глаза.

– Он заходил ночью, но увидел, что вы спите, и решил не мешать.

Если бы Денис встретил такого человека где-нибудь в Выборге, он бы принял его за иностранного бродягу, каким-то образом пересёкшего финскую границу и толком не осознавшего, что он уже в другой стране. Старик был низеньким, всего на полголовы выше самого Дениса, глубокие морщины превращали его лицо в сильно мятую бумагу. Только присмотревшись, можно было различить измятый и искорёженный нос, уши, которые будто бы пожевала лошадь. Губ вовсе невозможно разобрать среди многочисленных изломов и чёрточек. Когда призрак открывал рот, казалось, будто открывался потайной ящичек. Глаза были несуразными дырками: один – треугольным, другой – ромбовидным. На голове высокий колпак, похожий на шляпу волшебника из "Гарри Поттера", но смотревшийся куда более жалко. Платье с широкими плечами траурной вуалью спускалось почти до пят (позже Денис узнал, что это одеяние испанских конкистадоров, которые были кумирами этого удивительного существа – как при

жизни, так и после смерти). Мальчик наклонился, чтобы убедиться, что незнакомец не касается ногами пола. Он парил в воздухе, как марионетка.

Чуть-чуть понервничав, Денис решил оставить хозяина на потом. Сначала следовало разобраться с этим слегка подзадержавшимся на земле господином. Как нельзя кстати под лавкой заворочалась шкура, в которую накануне вечером завернулся Максим – больше от назойливо жужжащих насекомых, чем от холода. В очках, которые малыш аккуратно положил рядом, блестели солнечные зайчики.

– Как же тебя зовут? – спросил призрак таким тоном, будто идти на контакт его вынуждала только жестокая кара какой-нибудь призрачной щекоткой. Скажем, если этому призраку засунуть руку в живот и пошевелить пальцами – разве ему не будет щекотно?

– Денис... – робко ответил Денис.

Лицо старика сделалось ещё более скорбным, будто бы его голову, бумажный комок, сдавила чья-то рука.

– Ещё одно невозможно странное имя.

– Это не ты завывал и плакал у нас на чердаке? – Денис подумал и уточнил. – В Выборге, улица Заливная, дом пять.

– Думаю, маленький карась, – прогудело привидение, – тебе стоит знать, что я не вожусь на чердаке. Моею вотчиной был маяк, и, дьявол тебя заberi, надеюсь, ты согласишься, это куда благороднее, чем какой-то чердак. И сырость я точно нигде не разводил. Она заводилась сама. О мой маяк бились волны иногда высотой в десятки футов – там было мокро, как у русалки между грудей, даже в спокойные дни, и я сушил свои портки на солнышке днём только для того, чтобы ночью они опять пропитались насквозь морской водой и солью. Но с тех пор как я умер, больше нет нужды сидеть там, наверху. Я, наконец, получил возможность посмотреть мир, и уж точно не буду "завывать", как ты изволил выразиться, на каких-то там чердаках. Сырость! Ха!

Максим тем временем откинул импровизированное одеяло и сел. Удостоверившись, что брат и приведение нашли хотя бы подобие общего языка, он сказал:

– Доминико немного отстал от моды. Не удивляйся его одежде.

– Я удивляюсь тому, что я вижу сквозь него тебя, – сказал Денис шёпотом, чтобы не дай Бог не оскорбить своенравного призрака.

Максим пожал плечами, водружая на нос очки. Спал он не раздеваясь, в рубаше и странных шортах, разве что снял ремень. Теперь Денису казалось, что эта одежда создана больше для сна, чем для бодрствования.

– Он же мёртвый, как выброшенная на берег рыбина. Это мой первый друг здесь. Он ждал меня и помог стать тем, кем я есть. Воплотиться из ничего, это во-первых, понять законы этого мира –

во-вторых. Так же, как я помогаю тебе.

Денис сглотнул.

– Но я не хочу ничего понимать. Я хочу вернуться домой.

– Не сказать, что я сразу проникся к Доминико доверием. Почти два года я бродил по ДРУГОЙ СТОРОНЕ, потерянный ребёнок, не понимающий, что с ним случилось. Я убегал и прятался от надоедливого призрака, не слушал его увещаний и не понимал объяснений, которые, как я сейчас считаю, были достаточно здравыми. Да посмотри на него. Разве ты бы не стал шараться от этой злодейской рожи?

Призрак скорбно покачал головой, словно говоря: "Ну что здесь поделаешь?" Максим вдруг снял очки и посмотрел на брата открытым, простым взглядом. Глаза его отнюдь не сощурились, как обычно бывает у близоруких людей. Наоборот, зрачки увеличились, словно два снежных кома.

– В некотором роде я навсегда останусь маленьким мальчиком, который просто усвоил кое-какие правила.

– И научился говорить как взрослый, – сказал Денис.

Максим ничего на это не сказал. Он обратился к Доминико.

– Значит, здесь был хозяин? Так кто же он?

– Сиу. Дикарь. Судя по покрашенным в синий мизинцам на руках и ногах, из племени Разгоняющих Самих Себя. Хотя, я могу ошибаться. Одного пальца у него не было. Возможно, просто лакота-отшельник.

– Он видел тебя?

– Было очень темно, – словно извиняясь, пробормотал Доминико. – Ты же знаешь, меня невозможно увидеть в темноте, даже зная, что я здесь.

– Что он здесь делал?

– Зашёл – неслышно, как могут только сиу и старые доходяги вроде меня. Увидел, что в гамаке его мирно посапывает этот... эта маленькая рыба кость в заднице, потом заметил тебя. Хотел украсть очки – и тогда бы, без сомнения, я поднял бы такой визг, что он растерял бы все оставшиеся пальцы – но одумался. Развернулся и свалил.

Доминико фыркнул. Вышло это у него очень смешно: щёки надулись, будто сложенную из бумаги бомбочку наполнили водой.

– Как по-моему, туда ему и дорога. Не доверяю я этим степным дикарям. Впрочем, лесным я не доверяю ещё больше. Как и подгорным. Большой вопрос, кстати, был ли этот сиу подгорным, или всё-таки степным.

Он показал на полог.

– Он оставил на пороге крольчатину и какие-то травы. Может, он тебя даже узнал, рыба кость. Может, плавал на корабле, на котором ты был капитаном, в качестве раба.

– У нас не было рабов, я ведь тебе уже говорил.

Максим нацепил очки и принялся исследовать кролика.

– Стоп! – заорал Денис, вскакивая на ноги. – Брэйк! Перекур! Я хочу знать всё, Макс. Кто такие эти Сиу? Он что, стоял прямо здесь, надо мной, пока я спал? Ты говорил мне, что был моряком, но не говорил, что был капитаном!

– А кем ещё я мог быть? – спокойно спросил Максим.

Этот вопрос поставил Дениса в такой ступор, что всё его возмущение испарилось, прошепестев залётным ветерком в волосах.

– А меня? – спросил он шёпотом. – Меня возьмут капитаном?

– По морю мы не пойдём. Ну зачем тебе корабль, если мы и по суше дойдём до таких чудес, которые ты, живя в своём простом мире со всеми этими механизмами и законами физики, не мог себе даже вообразить? – сказал Максим. – А теперь нам нужно решить, как мы употребим этого кролика. Ведь нам оставили его не для того, чтобы мы на него любовались.

Словно по команде, Денис ощутил голод.

Они довольно споро разделали кролика. Максим ловко орудовал ножом, Денис держал животное за задние лапки, отворачивая лицо и стараясь не смотреть. Он видел, как разделяли на рынке мясо, а здесь даже крови настоящей не было, хотя вспоротое брюхо пламенело как жерло вулкана. Но всё же... это почему-то иное. Нож, воткнутый в скамью, братец трогать не стал, зато выудил из складок собственной одежды кинжал, такой короткий, что он походил на кошачий зуб. Присмотревшись, Денис понял, что это и в самом деле чей-то резец, сверкающий острой и слегка зазубренной кромкой.

Закончив, они выбрались наружу. Доминико сказал, что в хижине, со всей этой сухой соломой, лучше не разжигать огня: "Того и гляди, взлетишь на воздух". Максим с ним согласился: "Обгорелое пятно в центре, может, вовсе не использовалось сиу для приготовления

пищи, а имело сакральный смысл". Что такое "сакральный смысл" Денис не знал, однако решил не задавать вопрос, опасаясь насмешек призрака. Он решил атаковать сам, первым, спросив:

– Разве ты не должен бояться солнечного света?

– Мальчик, посмотри на меня, – Доминико вдруг засмеялся кашляющим, гиеным смехом. Под лучами молодого солнца он внезапно утратил прозрачность и стал просто стариком с заплетёнными в косу седыми волосами, парящим над землёй так, что кончики травы должны щекотать большие его пальцы. Денис вдруг осознал, что потерпел поражение: задавая Доминико едкий вопрос, на мгновение забыл, где находится, впустил в себя нарисованный мир так, как впускал настоящий. Связь с домом, о котором он беспрестанно думал сразу после пробуждения, прервалась на секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы стать частью ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Максим не принимал участия в их войне. Он набрал сухих веточек, сложил горкой между двух замшелых валунов, а потом, достав из замечательного своего вещмешка спички, слишком корявые и слишком большие, чтобы быть выпущенными на Тульской спичечной фабрике, зажёл костёр.

Денис тем временем осматривался. Хижина снаружи выглядела как огромный стог сена или гриб, погребённый под десятилетним слоем опилок и вымахавший за эти же десять лет на высоту двух человеческих ростов. Она выглядела как что-то очень старое и родное этому пейзажу, холмистому, привольному, шуршащему сухими травами и стрекочущему разнообразными насекомыми. Это было... как далеко-далеко за городом, вроде парка Монрепо, только ещё дальше.

Но было ещё и что-то, что не давало Денису покоя. Будто прозрачная, только ещё начинающаяся зубная боль. Казалось, за каждым холмом прячется по десятку этих их таинственных *сиу*, а каждый куст, находящийся на более или менее безопасном отдалении – их головной убор. Более того, стоило Денису потерять один из таких кустов из поля зрения, на прежнем месте он его уже не находил.

Запах жареного мяса раздувал в животе голодные пузыри, и в конце концов Денис смог отвлечь себя от чудес пейзажа на еду. Максим выкопал из земли какие-то корнеплоды, отдалённо напоминающие мелкий картофель, и запёк их на углях, как делала мама, когда они выезжали на природу. Готовую еду он обильно посыпал сухой землёй.

– Что ты делаешь?

– Попробуй, – сказал Максим с набитым ртом. – Это ужас какая вкуснятина. Как соль и перец вместе взятые. Когда я ходил под парусами, мы поливали еду морской водой, но всё равно, получалось совсем не то.

Денис покачал головой. Нарисованная еда – есть нарисованная еда: выглядит, как раскрашенная картонка, и жуётся, должно быть, так же. Но вдруг сквозь вой ветра над холмами он услышал голоса. Можно было подумать, что это что-нибудь из местной, несомненно, богатой фауны, скажем, певчие койоты, восславляющие уходящую ночь, но... голоса эти пели про мясо, нарисованный жир с которого стекал у мальчика по рукам. Совершенно точно, именно про этот кусок, про каждую его жилку, и даже про жировую прослойку. "Съешь, это вкусно!" – таков был общий посыл песни. Впрочем, у Дениса, как у каждого ребёнка, был иммунитет к подобным вещам. Каждый взрослый норовит убедить тебя, что манная каша – это вкусно. Каждый.

Рот наполнился слюной, но прежде чем откусить, Денис проверил: Максим был занят своей порцией, а Доминико не проявлял к их трапезе никакого внимания. Не похоже было, что угрюмый призрак способен петь таким мелодичным голосом, да ещё про крольчатину...

Мясо оказалось жестковатым и не больно-то вкусным, тем не менее, голод оно утоляло на ура. Расправившись со своей порцией, Денис решил, что снова готов задавать вопросы.

– Почему ты в очках? – спросил он у Максима.

– Я плохо вижу. Разве для тебя это не очевидно?

– Но ты же можешь сказать несколько слов и потом видеть лучше любой вороны!

В доказательство Денис продемонстрировал татуировку в виде якоря, которая нравилась ему всё больше. Максим тряхнул головой.

– Я слишком долго здесь нахожусь, чтобы что-то менять. Я не хочу себя потерять. Даже веснушки – Доминико говорит, что это поцелуи дьявола – мне как братья. Потому что перекочевали из прошлой жизни.

– Хм... – Денис не мог сказать, что всё понял. – Но это, наверное, не твоя настоящая физиономия. Так же, как со мной...

Максим, не глядя на него, покачал головой. От изучал зажатую между пальцев заячью косточку.

– Моя. Своё лицо я помню как себя самого, и оно не изменилось с того момента, как мне исполнилось пять.

– Кто бы знал, откуда у него взялись эти наглазные подзорные трубы, – вставил призрак, – но многие верят, что они придают взгляду твоего брата гипнотическое воздействие. Только демоны морской капусты знают, почему они ещё не разбились за все эти годы.

Максим молчал. Денис тоже молчал, грызя травинку. В установившейся тишине замечание Доминико казалось ужасно несурзным, впрочем, он по этому поводу не горевал. Покачивая из стороны в сторону кончиком своей шляпы (казалось, его голова имеет сходную со шляпой форму), он пытался усадить себе на палец стрекозу, которая запросто пролетала сквозь его ладонь.

Собрались они споро и молча: не успел Денис моргнуть глазом, как обнаружил себя бредущим по колено в шелестящей траве прочь от хижины, туда, где между двумя холмами был виден ночью огонёк маяка. Доминико, осмелев, сказал, что сиу нужно как следует отблагодарить за предоставленный ночлег ("я был бы им благодарен, если б не увидел это краснокожее племя ни на том, ни на этом свете"), оставив им "этого паренька", то есть Дениса, но в итоге сошлись на костях кролика и нарядной нитке, которую Максим вытянул из своего пояса.

Денис, выразил сомнение в пользе такого дара, но братик ответил, что таинственные дикари с ума сходят от всяких разных костей и красивых ниточек, на которые эти кости можно нанизать. Что, в свою очередь, не прибавило Денису оптимизма.

"Каждый нормальный парень должен побывать в плену – вещал призрак, – и сбежать оттуда. Без этого мальчик мужчиной не станет".

– Что насчёт тебя? – спросил на это Максим. – За всю свою жизнь ты ни разу не слезал с маяка.

Доминико возмутился.

– По-твоему, родился я тоже там, из рыбьей головы и панциря улитки? Конечно, я был снаружи. Если хочешь знать, я повидал за свою жизнь больше чем вы вместе, сопляки. Ну, за первые пятнадцать лет, до тех пор, пока не стал зрителем на маяке. А за восемь лет после своей смерти и того больше.

– Очень впечатляет, – пробурчал Максим. – Особенно если вспомнить, что эти восемь лет мы путешествовали вместе.

– Откуда всё это взялось? – негромко спросил Денис. – Весь этот мир... откуда он взялся? Это ведь где-то на планете Земля? Я имею ввиду, ведь мы же не летали в космос на космическом корабле, такой здоровенной штуковине, которая ещё совершает межгалактический прыжок...

– Что это за штуковина? – вдруг заинтересовался Максим. – Космический корабль?

– Ты не знаешь, что такое космический корабль? Может, ты ещё и о компьютерах не слышал?

– Нет, – послушно сказал Максим. – Но компьютер – какое-то скучное слово. А вот корабль... считай, что это профессиональный интерес. Так где такие ходят?

– В космосе! – Денис вскинул руки в самом торжественном жесте, на который был способен. – Он летает между звёздами – от звезды к звезде...

– А что такое кос-мос?

Максим остановился, задрал треуголку на затылок, чтобы почесать лоб. Денис подобрал упавшую челюсть – Максим выглядел как обыкновенный малыш, шагающий следом за старшим братом с утренника в детском саду, и переход этот оказался слишком внезапным, – а потом приобнял брата за плечи.

– Видишь ли, Макс, – начал он так, будто малыш состоял из тончайшего льда, который мог треснуть не то, что от прикосновения, а от не слишком осторожного или слишком громкого слова. – Ты, наверное, даже не знаешь, что наша планета круглая и что она вращается вокруг солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.